

Олег

ПУТИЛИН

АЛКАШ
в борделе

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Олег Путилин

Алкаш в борделе (сборник)

«Научная книга»

1999

Путилин О. В.

Алкаш в борделе (сборник) / О. В. Путилин — «Научная книга»,
1999 — (Русский бестселлер)

ISBN 5-04-002274-3

Из элитного борделя стали бесследно исчезать проститутки. Ну, не все подряд, а самые аппетитные на кого стояли подолгу в очереди, оформив предварительный заказ, влиятельные бизнесмены и «свои» люди из властных структур. Хозяин борделя схватился за голову! Неужели кто-то решил таким способом на него наехать? Разорить? А что он скажет богатым и оч-чень крутым заказчикам?.. Милиция бессильна отыскать пропавших «птичек». И тогда за дело берется частный сыщик Мальков...

ISBN 5-04-002274-3

© Путилин О. В., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Алкаш в газете	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олег Путилин

Алкаш в борделе (сборник)

ЗАО «Издательство «ЭКМО», 1999 г.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Алкаш в газете

Глава 1

– Открыто! – заорал я что есть мочи, лежа на диване в гостиной.

Наконец перестали звонить, и в коридоре, ведущем из прихожей в зал, послышались шаги. В дверном проеме показалась седая голова моего приятеля, журналиста Леонида Борисова.

– Ты что, теперь свою толстую жопу даже до двери донести не можешь, чтобы впустить гостей? – спросил он.

– А мне лень! – ответил я и, нацедив в свой рот несколько последних капель пива, отшвырнул банку в сторону. – У меня экзистенциальный кризис!.. Кстати, ты выпить что-нибудь принес? – напряженно посмотрел я на Седого.

Так звали Борисова за его седую голову.

Он вынул из пакета банку «Хольстена» и бросил ей в меня. Я поймал банку и удивленно произнес:

– Что, и это все?

Седой скорчил презрительную рожу, залез рукой в пакет и потом швырнул в меня еще одним «Хольстеном».

– На, подавись!

– Мог бы что-нибудь и покрепче взять, – обиженно сказал я, вскрывая банку.

– Нечего нажираться! Еще только полдень! – назидательным тоном сказал Седой. – И вообще, кончай умничать и пугать народ терминами типа «экзистенциальный кризис». Бедняга Дынин, когда вчера с тобой по телефону поговорил, целый вечер справочник по психиатрии читал – искал, какая болезнь тебя поразила...

– Ты бы этому менту перевел: мол, у него кризис – в жизни. Объяснил бы ему...

– Так он определил, что у тебя, как минимум, маниакально-депрессивный психоз.

– Поэтому он не пришел, а прислал тебя как видного психиатра?

– Нет, я сам... зашел, – смутился Седой. – Узнать, как дела...

– Надоело все! – заявил я и отхлебнул большой глоток пива. – Представляешь, лень даже за выпивкой в магазин спуститься...

– Да ну? – ужаснулся Седой. – Тогда дело серьезное... Чтобы Мальков бросил пить?!

– Нет, пить я не бросил. Просто лень сходить.

– Все равно это нечто страшное... Слушай, а может быть, тебе жениться? Может быть, у тебя все это на почве хронической сексуальной неудовлетворенности?

Я скептически покачал головой.

– Я вполне удовлетворен. А жениться не могу по чисто экономическим соображениям. Мои доходы не позволяют мне одновременно пить дорогие виски-джини и содержать жену. У меня, между прочим, двое детей, которых я кормить должен.

– Да-а, – протянул Седой. – Как представишь, что по твоей квартире шляется каждый день какая-нибудь бабешка и порядки свои наводит... Все переставит, все переложит, потом ничего не найдешь. Вот у меня, например, была...

Седой оживился, подался вперед, сидя в кресле.

– ...все время что-то переключивала с места на место, с места на место! И кроме этого, ни хрена ничего не делала. Только и слышишь весь день: «Леня! Ленчик! Сделай то, сделай это!» Тьфу, бл. дь, за. бала! А как пожать попросишь, так она не успела, весь день уборкой

занималась. Я после этих уборок даже с ее помощью свои трусы два дня искал! Так что не надо тебе этой всей туфты.

– Ну, может, она здорово работала в постели? – высказал я свое предположение. – У каждого ведь свое предназначение...

– Да! – Седой откинулся в кресле и закрыл глаза, предавшись, видимо, воспоминаниям. – Трахались мы с ней славно... Не надо было на ней жениться, надо было ее в любовницах так и оставить. Когда мы с ней просто дружили, она для меня больше делала... Нет, Вова, тебе нужно просто любовницу завести!

Я отмахнулся от него, как от назойливой мухи:

– Есть у меня телефоны старых подруг, которым я звоню в случае необходимости...

– Это та виолончелистка из филармонии? – скептически посмотрел на меня Седой. – Так она же всегда на концертах, когда у тебя возникает необходимость! Впрочем, когда у тебя необходимость, они не могут, а когда они могут, тогда у тебя нет ни-ка-ко-го желания!! Или дел полно... Так что на баб особой надежды возлагать точно не стоит...

Седой замолчал. Видя, что я разговор не поддерживаю, немного погодя он подал еще одну идею:

– Ну, тогда уйди в запой!

– Я не алкоголик, я просто пьющий, – сказал я.

Седой с сомнением на меня посмотрел и развел руками:

– Тогда я не знаю, что тебе посоветовать! Брось пить вообще и займись каким-нибудь делом.

Я посмотрел на Седого так, что он засмутился.

– В этом случае общение с тобой, Леня, сделается невыносимым!

– Скажите, пожалуйста! – Седой обиделся, встал с кресла и подошел к окну.

После минутного любования городским пейзажем он повернулся и решительно сказал:

– Ну вот что! Работать тебе надо! Ты же врач по профессии! Иди устройся в какую-нибудь больницу...

Я тяжело вздохнул, поднялся, сел на диван и откупорил вторую банку пива.

– Кем идти устраиваться-то? Гинекологом-любителем, что ли? Какой из меня, на х..., врач, если я уже столько лет не работаю по специальности!..

– Да, действительно, врач ты хреновый, – согласился Седой. – Не дай Бог такому попасться... Ты, наверное, пульс будешь в области паха искать!

– Заткнись, умник! При желании пульс можно и в области паха найти. Просто я не хочу работать медиком, это слишком ответственно, малоденежно и, в общем, очень скучно. К тому же я привык пить каждый день. А там какой-нибудь заведующий отделением будет за мной следить... А тебе хорошо известно, что последние годы я зарабатываю себе на жизнь совсем другим делом. Но вот уже четыре месяца, как у меня, частного детектива, нет никаких заказов...

– Как это нет! – возмутился Седой. – Я же тебе предлагал бабку, для которой надо было найти собаку! Ты отказался, не стал этим заниматься. Ты же у нас великий!

– Не великий, – возразил я. – Просто искать ее собачонку я считал делом совершенно бессмысленным. Что я, мальчик, чтобы за ней бегать по городу?

– Ты не бегай, а используй свои методы и вычисли место, где она находится...

– Тьфу, е..! – у меня кончилось терпение. – Я что, телепат или экстрасенс? Как я тебе вычислю местонахождение – по фотографии собаки, что ли?

– Но тебе же, когда ты пьян, приходят видения во сне, на основании которых ты и вычисляешь всех убийц и воров!

Сегодня Седой, видимо, решил меня достать...

– Сколько можно объяснять?! – вскричал я. – Все эти видения – плод работы моего ума. Просто открытия ко мне приходят именно таким образом. В трезвом состоянии мой ум закрепощен и не может просчитать всю информацию, которая у меня имеется. Когда же я выпиваю, а особенно когда выпиваю много, то ум освобождается от оков сознания и спокойно считывает ту информацию, которая накопилась в мозгу, и выдает правильное решение. Кто-то из великих сказал, что наш ум более проницателен, нежели последователен, и охватывает больше того, что может объяснить. Так вот, в состоянии опьянения мой ум дает то, что не может объяснить в трезвом состоянии...

– Хватит этих лекций! – ворчливо сказал Седой. – Тогда регистрируйся как частный детектив, получай лицензию, открывай офис. Будешь сидеть в кабинете, как Филип Марлоу, попивать свой джин, и тебе будут делать заказы всякие расфуфыренные дамочки...

– Ага! Чтобы я следил за их мужьями... Или, наоборот, какой-нибудь импотент захочет узнать, с кем из его друзей спит жена... Блестящее применение моим способностям! Ты же знаешь, что оперативник из меня никакой... Для этих целей есть Дынин и ты.

– Ну спасибо, всю жизнь мечтал быть мальчиком на побегушках у знаменитого детектива, – сказал Седой и отвесил мне поклон. – Может, еще за пивком сбегать? – Седой принял угодливую позу.

– Это еще не выпили, – равнодушно ответил я. – Между прочим, твое ерничание не имеет под собой серьезного основания. От каждого проведенного мною дела дивиденды имели все – Дынин получал благодарности от начальства и повышение в звании, а ты писал разгромные статьи, отчего становился популярнее и богаче...

– Ладно, ладно! Я разве что говорю?! – примирительно сказал Седой. – Кстати, о статьях... Не хочешь ли ты сам заняться?

– В каком смысле? Писать о наркомафии и организованной преступности?

– Нет, – усмехнулся Седой. – Для этого у нас есть более крутые люди. Я вчера говорил с редактором, он мне вскользь бросил фразу о том, что нашей газете необходим медицинский кolumnист.

– Это как? – поразился я.

– Ну, будешь вести регулярно колонку на медицинскую тему...

– И что в ней писать?

– Осенью и весной будешь советовать людям беречься от насморка и гриппа, летом будешь рекомендовать, как правильно загорать, а зимой – как не отморозить себе кое-что, если заснул пьяным на льду...

– Понятно. Веселуха еще та...

– Но это ведь хоть какое-то дело! – возмутился Седой. – Ты вот здесь сидишь и пиво сосешь.

– Я лежу! – уточнил я.

– Тем более! Скоро уже больше центнера весить будешь... А так хоть развеешься, с людьми пообщаешься. Люди у нас там, – Седой закатил глаза, – интересные до жути! Необъятное поле для психиатров и любителей созерцания жизни. Если я буду писать мемуары, боюсь, что идиотам от газетного мира придется посвятить, как минимум, треть книги!

– Заманчивое предложение, черт возьми! Мне вообще нравится сегодняшняя профилактика моей психики в твоём исполнении. Сначала что-то предложит, а потом все раскритикует, хотя говорит, что это мне подходит. Приглашает поработать, пообщаться с коллективом и тут же сообщает, что там одни ненормальные.

– Нет, люди они хорошие, интересные, – возразил Седой. – Я думаю, тебе там понравится. Работа, конечно, не очень денежная, но, я думаю, для тебя это не главное. Так что давай, соглашайся!

– Ну, уговорил, – сказал я, вставая с дивана. – Пойдем пожрем чего-нибудь.

Седой протянул мне пакет и сказал:

– Вот тебе продукты, иди готовь, а я пока своему главному позвоню, чтобы вакансию для тебя забыть...

И, взяв трубку радиотелефона, Борисов решительно пошел вместе со мной на кухню.

– Алле, Василий Борисович? Это я, Леонид... Ты мне сегодня говорил насчет колумниста – так я нашел тебе новую рубрику и человека, который будет ее вести... Какую? Медицинскую... В нашей газете в самый раз... Нет, я не шучу. Есть профессиональный медик, сейчас без работы... Но по крайней мере медицинскую рубрику он может вести вполне, – Седой посмотрел на меня с усмешкой. – ...Нет, ему много не надо. Семьсот рублей в месяц платить будешь – и хватит. Его согласие я получил... Хорошо, договорились, завтра он придет.

Седой попрощался с начальником и положил трубку на стол.

– В общем, завтра в три часа подруливай к нам, – сказал он. – Шестой этаж, я сижу в кабинете шестьсот пятом. При входе вахтеру назовешь мою фамилию.

Я кивнул и поставил на стол яичницу с беконом. Открыв две банки джина с тоником, которые стояли со вчерашнего дня в холодильнике, мы приступили к трапезе.

– Слушай, а у меня получится? – спросил я. – Я ведь никогда ничего не писал.

– Все у тебя получится, – ответил Седой, запихивая в рот большой кусок яичницы. – Во-первых, чтобы делать колонку, не обязательно быть журналистом. Это скорее работа для узкого специалиста, который пишет о том, чего другие не знают. Главное – писать ясно, доступно.

– А во-вторых?

Седой прожевал кусок яичницы.

– В журналистику вообще идут те, кто не нашел своего места в жизни. Иными словами, всякий сброд. Работа журналистом же окончательно превращает их в инвалидов умственного труда. Это как в жизни – один умеет излагать свои мысли красиво, другой – однообразно. Но в газетах пишут и те и другие.

– А как же талант писателя?

– Писатель – одно, а журналист – другое. Написать книгу может не каждый, а написать статью может практически любой. В космонавты же не всех берут, а в автомобилисты практически всех, даже инвалидов... Так что журналист – не профессия, а скорее стиль жизни, – закончил Седой.

– Спасибо, Леня! Просветил... – сказал я, приканчивая свою яичницу. – Значит, я с завтрашнего дня могу причислять себя к тому сброду, который занимается журналистикой.

– Угу, – сквозь пережевывание буркнул Седой. – Но ты особенно-то не огорчайся. Я вот, например, давно к этому сброду принадлежу – и ничего, живу... Порой даже весело.

– Вот давай за это и выпьем! – сказал я, поднимая баночку с джином. – За веселую жизнь...

– Поехали! – сказал Седой и залил в себя джин.

После обеда Борисов откланялся, напомнив мне о том, что я завтра должен быть как штык в три часа у него в кабинете.

Остаток дня я провел в размышлениях о целесообразности этого шага. Я же все-таки уже не мальчик, чтобы начинать заниматься чем-то новым, неизвестным, к тому же тем, к чему меня никогда в жизни не тянуло. Но я уже настолько утомился от зимнего сидения дома, что попасть в новую среду, пусть и незнакомую, для меня все же было, несомненно, полезно. В конце концов я же оставляю за собой право в случае чего покинуть работу, хлопнув дверью... Ради справедливости надо бы сказать, что в своей жизни я делал это несколько чаще, чем нужно.

И все же в конце вечера я однозначно решил, что попробовать силы в новом деле и проветриться для меня будет полезно. Ведь и работа детектива, которой я зарабатывал на жизнь в последние годы, когда-то тоже была новым делом. Никто и представить себе не мог, что такой

обычный человек, как я, в чем-то даже ленивый, мог достичь на этом поприще определенных успехов.

Я вспомнил, как проходили мои первые дела. Все начиналось с расследования каких-то малых, на первый взгляд, незначительных вещей и заканчивалось громкими разоблачениями – была обнаружена подпольная типография, где печатали фальшивые деньги, раскрыта сеть пиццерий, в которых продавали пиццу с наркотиками... Немало убийц понесли заслуженное наказание. И что особенно приятно – удалось доказать невиновность многих людей, и с них были сняты обвинения. Кто бы мог подумать, что такой осторожный домосед, как я, попадет по доброй воле в экстремальные ситуации, связанные с риском для жизни.

На этой мажорной ноте своих воспоминаний о славном прошлом я и погрузился в сон.

Утро следующего дня было обычным. Май всюду царствовал в городе, и улицы окрашивались в яркие зеленые тона, дачники потянулись на природу, на свои огороды.

Никогда не понимал этого идиотского увлечения дачами! Если когда-нибудь я и ездил туда, то только для того, чтобы выпить с товарищами ящик пива или чего покрепче...

Неспешно сделав все привычные для себя утренние процедуры, как-то: умывание, завтрак, просмотр газет и утренних новостей по спортивному телеканалу, – я вышел в полдень из дома, погулял, а около трех часов дня очутился возле восьмиэтажного стеклянно-бетонного здания, где в прежние времена размещался «Советский пропагандист», а теперь это превратилось в Издательский дом «Дело».

Войдя в вестибюль, я по своей старой привычке совершенно не замечать вахтеров отправился внутрь помещения. Вахтерша, которая в этот момент приканчивала свой обед, решила не портить себе аппетит дурацкими вопросами о том, куда и зачем я направляюсь, и проигнорировала мое появление в стенах здания.

Поднявшись на лифте на шестой этаж, я быстренько отыскал комнату шестьсот пять и, постучав, зашел внутрь. В принципе, я мог бы и не стучать, так как в комнате был лишь один Седой. Он занимал один из двух столов, стоящих у окна. Всего же в кабинете насчитывалось три рабочих стола. В момент моего появления в кабинете Борисов активно стучал пальцами по клавиатуре компьютера, набивая, конечно, свою очередную журналистскую «нетленку». Содержание «нетленки», видимо, сводилось к тому, как важно, чтобы почта работала бесперебойно, или к описанию того, какие блестящие перспективы откроются у нашего города, если он согласится принять у себя межрегиональную выставку овощных и бахчевых культур.

Заметив меня, Седой кивнул головой на стоящее рядом с ним кресло и сказал:

– Посиди пока... Мне надо срочно материал добить в верстку, а то меня уже целый час Савраскин за яйца дергает.

Я уселся в кресло и, оглядевшись, заметил на столе рядом с собой список сотрудников газеты. Фамилию Савраскина я нашел в строке, где было написано: ответственный секретарь.

– А что, в обязанность ответственного секретаря входит стимуляция сотрудников к работе таким варварским способом? – спросил я.

– Угу, – ответил Седой, не отрываясь от работы. – И еще он целыми днями должен изображать из себя человека, на котором в газете держится все.

– Это на самом деле так?

Седой бросил на меня мельком насмешливый взгляд и сказал:

– К счастью, далеко не так. Иначе здесь бы все давно рухнуло. А вообще, – Седой, видимо, вспомнил, что перед ним сидит начинающий журналист, и заговорил более серьезно. – Ответственный секретарь вообще должен делать газету. Он отвечает за размещение всех газетных текстов по полосам, на так называемых оригинал-макетах.

– Как это?

– Ну, скажем, вот эту статью о развитии паркового хозяйства в нашем городе я отнесу ему, – Седой ткнул пальцем в компьютер, – а он уже даст распоряжение верстальщикам, каким кеглем ее поставить.

– Куда поставить? И как понимать «поставить кеглем»?

– Статью поставить в полосу... А кегль, попросту говоря, определенный размер шрифта... В общем, потом все объясню, – Седой повернулся снова к компьютеру и затарахтел клавишами.

– А верстальщики ставят, значит, эту статью, как он скажет?

– Угу. Но на самом деле верстальщики ставят так, как она поставится, – пробубнил Седой, продолжая стучать по клавиатуре.

– А они что, его как бы не слушаются, что ли?

– Слушаются.

– А почему же тогда не ставят?

– Потому что не ставится!

– А почему не ставится?

– Да потому, что этот мудака сроду рисует такие хреновые оригинал-макеты, в которых ничего не ставится! – не выдержал Седой. – А рисует он такие оригинал-макеты потому, что не знает, какие ему принесут материалы! А материалы ему приносят в последний момент, потому что их часто поздно заказывают и вообще постоянно меняют одни на другие! А меняют потому, что это привычка редактора – постоянно что-то менять, причем тоже в последний момент!

– А почему все делается в последний момент?

Седой так удивился, что перестал стучать по клавишам и повернулся ко мне.

– Как почему? Потому что это газета!

Будто иллюстрируя объяснения Седого, в кабинет влетел невысокий худощавый мужчина с интеллигентной бородкой и в очках.

– Так, у тебя готово?

– Нет, – ответил Седой. – Осталось несколько строк, потом последняя читка.

– Сколько можно?! – взвился бородатый. – Мне нужна небольшая заметка в подвал третьей полосы, а ты пишешь ее уже час! Ты что там – историю парков расписываешь по полной программе? Вечно чикаешься!

– А ты бы еще за полчаса до выхода газеты мне заказывал! – парировал Седой. – Откуда я знал, что у тебя дыра на третьей полосе?

– А я откуда знал, что Капитонова напишет такой «дуст», что его придется снять и править целую неделю?

– Ну и поставил бы туда какой-нибудь гороскоп...

Савраскин, а по всему видать, что это был он, отчаянно вздохнул и закурился на одном месте.

– По-твоему, у нас на каждой полосе должен быть гороскоп?! У нас на шестнадцатой уже есть один...

– Ну, тогда поместил бы советы для новобрачных или какие-нибудь тесты на импотенцию... И вообще, если ты оставишь меня в покое, через десять минут получишь материал...

И Седой отвернулся к компьютеру. Савраскин сверкнул глазами, сунул руки в карманы, потоптался на месте, порываясь что-то сказать, но все же смолчал и вышел из кабинета. После него в кабинете была какая-то наэлектризованная атмосфера. Я решил помолчать до того времени, пока Леонид не закончит свою статью, поскольку в этой ситуации вполне мог оказаться крайним со своими неуместными вопросами.

Через десять минут Седой закончил свою заметку, пробежался по тексту глазами, вынул дискету из компьютера и бросил мне на ходу:

– Сиди здесь. Если придет Капитонова, скажи ей, что она полная жопа и при этом моя должница.

Я подумал, что для высказывания столь категоричных суждений я должен знать женщину хотя бы в лицо. Но, однако, спросить у Седого я не успел. Он стремительно вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Через пятнадцать минут, в течение которых никто в кабинете не появился, вернулся Седой.

Он плюхнулся в свое кресло и устало спросил:

– Ну, что у тебя?.. Ах да! – тут же вспомнил он о цели моего визита. – Пошли. Главный, видимо, уже приехал с обеда.

Мы отправились по коридору к двери, на которой было написано: «Главный редактор». За столом в крохотной приемной сидела средних лет женщина, она ела яблоко и читала газету.

– Приятного аппетита, Ирочка, – сказал Седой. – Василий Борисович у себя?

– Нет еще... Обедают-с... Сиди жди...

Седой, видимо, терпеть не мог никакого рода отказов и тут же съязвил:

– А ты по-прежнему обедаешь исключительно яблоками? Смотри не растолстей!

Ирочка не осталась в долгу и с ехидной улыбкой заметила:

– Не твое дело, Ленчик!

– Может быть, мы в коридоре подождем? – предложил я, пока разговор не принял более напряженный характер.

Седой, с улыбкой глядя на секретаршу, кивнул мне головой.

– Ирочка, мы в коридоре пока покурим... Как только главный приедет – мы к нему первые.

Но секретарша уже выпустила Седого из зоны своего внимания, уткнувшись в газету.

Глава 2

Мы с Седым встали у окна и закурили. Судя по стоящей на подоконнике пустой пивной банке, используемой в качестве пепельницы, это было постоянное место курильщиков. По длинному коридору редакции постоянно туда-сюда сновали сотрудники редакции.

– Может быть, ты начнешь меня потихонечку знакомить с коллективом? – обратился я к Седому с предложением.

– На сегодня у нас главное знакомство – с редактором, – парировал хмурый Седой. – С остальными ты еще успеешь познакомиться... Впрочем, почему бы и нет...

И Борисов принялся рассказывать о том, где находится секретариат, в состав которого входят верстальщики, корректоры и наборщики. В пяти комнатах сидели журналисты, еще четыре кабинета занимало руководство газеты. К нему относились главный редактор, два его заместителя и коммерческий директор. Кроме того, была еще небольшая комната, в которой располагалась бухгалтерия.

– А я где буду сидеть?

– А зачем тебе сидеть? Будешь приходить, сдавать материал раз в неделю – и все. Ну, если тебе очень хочется, сядешь в нашей комнате, у нас есть так называемый «дежурный стол».

В этот момент двери лифта прямо напротив кабинета редактора раскрылись, и из них вышел сутулый молодой мужчина в очках, с большим «дипломатом» в руке. «В таком очень удобно носить коньяк или шампанское», – сразу подумал я. Мужчина носил очки на переносице, и для того, чтобы смотреть прямо перед собой, вынужден был постоянно задирать голову, раскрывая при этом рот. Это в совокупности с его сутулой фигурой производило такое впечатление, что этот человек всю свою сознательную жизнь проработал носильщиком в горах и, попав на равнину без поклажи, испытывал трудности с адаптацией.

Мужчина подошел к нам и поздоровался.

– Здравствуй, Леонид, – произнес он картаво-булькающе.

– Здорово, Евгеша, – ответил Борисов, сидя на подоконнике и болтая ногами.

– Скажи, пожалуйста, Гармошкин у себя?

– У себя дома. Обедают-с...

– Когда ожидаются?

– С минуты на минуту. А у тебя что – дело к нему? Должен тебя предупредить, что мы первыми к нему.

– Надеюсь, за вами занимать можно? – посмотрел на нас уже поверх очков лукавым взглядом человек, которого Седой ласково назвал Евгешей.

– Можно, мы ненадолго... А ты что от него хочешь-то?

– Мне необходимо с ним поговорить об одном проекте.

– А-а! – оживился Седой. – Как же, слышали... Это та самая веселая газетка «Эпитафия», испещренная списками самых свежих покойников нашего города и сопроводительной информацией о самом процессе перехода в мир иной?

– А откуда ты знаешь? – снова задрал голову собеседник Седого.

– Как откуда?! Ты уже четыре газеты обошел с этим проектом, пока к нам не зашел! Об этом проекте уже полгорода говорит...

– Да, действительно, идея хорошая, – согласился Евгений. – Создать газету и публиковать информацию, с помощью которой человек мог бы более грамотно подготовиться к своему уходу из этого мира...

– Я понял тебя, понял, – оборвал его Седой. – Газета для неугомонных оптимистов, для тех, у кого оптимизм как повышенное артериальное давление. Почитал с утра газетку от корки до корки и привел свое здоровье в норму... Я вообще, наблюдая за теми газетами, которые

ты издал, а после этого благополучно пропил, пришел к выводу, что по ним можно проследить весь твой жизненный путь. Сначала была газета для детей, называвшаяся «Недоросль», где ты советовал детишкам, как им лучше провести время вне школы... Бедные учителя и родители еще терпели, когда ты публиковал конструкции новых рогаток и арбалетов, но зароптали, когда ты стал публиковать статьи по сексуальному воспитанию. Апофеозом же послужил рецепт изготовления бомбы, которую ты почему-то назвал петардой... Смышленные недоросли, взорвав пару стульев под задами своих любимых учительниц, поставили таким образом крест на твоей газете, которую после взрывов тут же прикрыли.

– Что касается курса сексуального воспитания, то ведь родители роптали, потому что сами многое для себя открыли, прочитав эти публикации, – возразил Чуев. – А насчет бомбы, так это сволочь Алешечкин подложил мне подянку. Я-то ведь не пиротехник, а для него что бомба, что петарда – все едино...

– Конечно, – с ехидцей произнес Седой. – Для твоего выдающегося ответственного секретаря детской газеты Алешечкина, имевшего три судимости за изнасилование, действительно все едино...

– Между прочим, он хороший ответственный секретарь. Ты зря так над ним смеешься...

– Да Бог с тобой! Я и не спорю... Он непотопляем... Видимо, после этой неудачи вы с ним и затеяли многопрофильный проект под названием «Зеленый змий», одной из составных частей, но не самой главной, была одноименная газета для пьющих людей, – сказал Седой.

– А что, есть такая газета? – спросил я.

– В том-то и дело, что была... Проект провалился из-за таких, как ты, – ответил Седой.

– Почему? – обиделся я. – Я вот пьющий и с удовольствием мог бы ее читать...

– То-то и оно, что мог бы! Пьющие, как правило, газет не читают!

– Дело в том, что малопьющие читают что-нибудь посолоннее, а сильно пьющие – вообще не читают, – заметил Чуев. – А наша газета была для умеренно пьющих.

– Ну, таких в России почти нет! – решительно заявил Седой.

Я и Чуев молчаливо согласились с этим мнением.

– Потом у Евгеша было еще несколько проектов газет для деловых людей, – продолжил Седой, – но вся беда в том, что деловым людям не очень нравились эти газеты, а еще больше их издатели. Потом еще была газетенка под названием «Секс с Евой». Но то ли читатели уже пресытились и многое узнали за годы реформ об этом достойном занятии, то ли сексуальная мощь издателей пошла на убыль, газетка получилась квелой и вульгарной, прямо как пенис пенсионера... И вот наконец Евгений Чуев подумал о душе... Браво, Евгеша! Достойное завершение карьеры газетного издателя!

– Я устал слушать это безобразное огульное охаивание, представленное в виде лекции о новейшей истории местной журналистики, – помпезно отреагировал Чуев. – Поэтому позвольте мне откланяться...

Чуев взял свой «дипломат» с подоконника и с обиженным видом удалился по коридору. Я подумал, что в «дипломате» у него наверняка лежит бутылка коньяка.

Тут из кабинета, находящегося рядом с кабинетом главного редактора, вышел высокий мужчина лет тридцати пяти – сорока. Он был очень худ и, можно даже сказать, костляв. Он носил бороду и небольшие очки в золотистой оправе. Его голова и борода были испещрены сединой, как будто посыпаны перцем. Мужчина был одет в аккуратный костюм-тройку нежно-серых тонов, который несколько дисгармонировал с его всклокоченной шевелюрой. Засунув под мышку кожаную папку, он закрыл за собой дверь и, сверкнув в нашу сторону линзами очков, неспешно направился по коридору.

– Александр, можно вас на минуточку? – окликнул его Чуев и устремился к нему.

Мужчина остановился и подождал Чуева. Тот подошел и энергично заговорил с ним о чем-то. Александр посмотрел на ключи в своей руке, потом в глубь коридора, после чего, что-

то тихо и вежливо ответив Чуеву, отправился своей дорогой. Чуев, однако, не отставал, даже оббегал своего собеседника то с одной, то с другой стороны. Так они оба скрылись в туалете...

– А это кто? – спросил я у Седого про нового собеседника Чуева.

– Это тоже достопримечательность, можно сказать, звезда нашей журналистики. Заместитель редактора нашей газеты Александр Бомберг.

– Про этого я слышал, – сказал я. – Это тот, кто все о мафии и коррупции пишет? Иногда почитывал я его статейки. Человек приобрел на этих статейках славу борца за справедливость...

– Угу, – сказал, прищурясь, Седой. – Вместе с этой славой он приобрел еще массу приятных мелочей.

– Ты о чем?

Седой не успел ответить, так как двери лифта снова раздвинулись и из них вышел невысокий субъект с растрепанными волосами, в очках. Он был одет в серую курточку грязных тонов, в карманы которой засунул свои руки. Под мышкой он держал кожаный портфель. Мужичок, мельком глянув на нас, нырнул в кабинет главного редактора.

– Пошли, – сказал Седой, спрыгивая с подоконника. – Нам пора.

– Это что, главный? – спросил я несколько удивленно.

– Да, – ответил Седой, открывая дверь кабинета. – Ирочка, главный у себя? – спросил он у секретарши, ехидно улыбаясь.

Секретарша заглянула под стол и с ухмылкой ответила:

– Да, видимо, у себя. Проходите.

И мы вошли в кабинет главного редактора. Кабинет был квадратным и находился в торце здания, поэтому окна располагались с двух сторон. В углу стояли редакторский стол и кожаное кресло. Сам же редактор запихивал свою куртяшку в шкаф.

– Василий Борисович, – сказал Седой с порога, – это мой приятель Владимир Мальков, медик. Мы о нем вчера с тобой говорили.

– Проходите, садитесь, – редактор улыбнулся, приглашая нас к столу. – Василий Борисович Гармошкин, – протянул он руку.

– Мальков Владимир Александрович, – в ответ представился я.

– Та-ак, – протянул Гармошкин. – Так-так-так...

И принялся сосредоточенно разглядывать поверхность стола.

– Ага! – наконец поймал он мысль. – Значит, так... Концепция газеты – вещь непостоянная и часто меняющаяся. Меняется и наша... Довольно пространных полос официоза, сводок и рапортов! Пора повернуть газету лицом к читателю! А ему наскучил официоз, и я уверен, что он истосковался по живой журналистике, по живому слову... Лицо газеты должно быть человеческим. Пусть на нем отражаются все краски человеческого бытия. Оппоненты говорят мне, что там могут появиться такие цвета, как коричневый... А я отвечаю – пусть и он будет представлен на страницах нашей газеты! Цвет говна и фашизма...

При этих словах Гармошкина мы с Седым переглянулись. Седой откашлялся и сказал:

– Борисыч, ты зря так издалека начал... Володька – нормальный мужик, ему и по-простому можно объяснить.

– Да? – Гармошкин снова задумался и постучал костяшками пальцев по столу. – Так... Ага... В общем, нам нужен пестрый калейдоскоп информационного мониторинга, в том числе, конечно, и медицинский. Читатель должен найти для себя в газете все, что ему хочется. На разный вкус. А поскольку читатели являются зачастую и больными людьми, то их, естественно, медицинская тема очень интересует. Пусть они узнают как можно больше о болезнях и способах их лечения! Пусть они узнают о той профилактике, которую они могли бы проводить, не допуская болезни! В связи со всем вышеизложенным мы хотели бы открыть в нашей газете медицинскую колонку... Попробуйте, мой дорогой! Попробуйте!.. Исходя из нашей сегодняш-

ней беседы я понял, что у вас получится... В конце концов ваш товарищ – опытный журналист и он вам поможет. На всякий случай мы возьмем вас на один месяц, на испытательный срок. Я думаю, этого будет достаточно, чтобы выяснить все ваши творческие потенции...

Я не понял, почему у Гармошкина сложилось мнение о том, что у меня все получится, так как за время нашей встречи, кроме своего имени, я ничего не произнес, но в то же время я сам пришел к выводу, что медицинская колонка газете крайне необходима. В первую очередь самому редактору.

– Кстати, Леонид сказал, что вы уже не работаете как врач. Интересно, чем же вы занимались в последнее время? – спросил меня Гармошкин.

– Частным сыском, – ответил я.

– Угу... Очень интересно. Врач и частный детектив, вот это да! – живо отреагировал главный редактор. – Очень, очень смешно... – сказал он с серьезной физиономией. – Я думаю, с завтрашнего дня вы можете приступать к исполнению своих обязанностей. Курировать вас будет господин Борисов. Очень приятно было пообщаться, надеюсь, что работать будет еще приятнее.

Я молча пожал руку Гармошкину и вместе с Седым покинул кабинет.

– Слушай, – спросил я у него, когда мы снова оказались у окошка и закурили, – а он, случаем, не... того?

– Нет, Вася нормальный мужик. Просто раньше он работал инструктором в райкоме партии, а потом еще десять лет пропагандистом в облсовпрофе.

– А как же он к вам попал?

Седой выпустил струю дыма и скептически посмотрел на меня.

– Так же, как и ты. Предложили, а он и согласился.

– Но все-таки – должность главного редактора... – я изобразил на своем лице недоумение.

– Неужели ты думаешь, что это кресло могут предложить случайному человеку, никем не контролируемому?

– Понятно, – сказал я. – Должен тебе сказать, что сегодня знакомства с газетой мне достаточно.

– Как это достаточно?! – категорически возразил Седой. – Сейчас мы пойдем ко мне. Я тебе объясню, что ты должен будешь делать в ближайшее время как ведущий медицинской колонки.

Седой потащил меня в свой кабинет. Остаток дня мы с ним провели в составлении плана материалов для моей колонки на ближайшие несколько номеров газеты.

Седой отверг мое желание начать рубрику с психиатрической тематики. Мы решили остановиться на теме грядущего пляжного сезона.

Ближе к вечеру в кабинете появилась разбитная деваха с копной черных кучерявых волос, одетая в джинсы и сиреневую блузку, на которую явно пожалели материи. Деваха сказала мне, что она – Лена Капитонова. Я поднялся из-за стола и, галантно наклонившись, насколько позволял мне мой большой живот, поцеловал ей ручку.

– Боже мой, какой душка! – произнесла девица с видом максимального удовлетворения.

Она плюхнулась в кресло, кинула ногу на ногу и закурила.

– Ленчик, где ты откопал такую прелесть? – спросила она у Борисова, кокетливо глядя на меня.

– Оставь в покое этого пожилого толстого мужчину, не то он разволнуется до одышки... Лучше объясни мне, старая шалава, как так получилось, что ты чуть не сорвала выпуск номера, кинув Савраскина со статьей!

– Этот старый ишак!.. – громко начала Лена и тут же с извиняющейся улыбкой посмотрела на меня, как будто речь шла обо мне. – Я что, виновата, что ли, если этот придурок заказал

статью, не назвав конкретного срока? Потом выяснилось, что сдать ее нужно сегодня. А мне надо было проверить пару фактов...

– А без фактов ты ему не могла сварганить? Почему я должен за тебя отдуваться, в темпе сочинять материал и выслушивать всякую херню?

– Ленчик! Миленький! Тебя заставили работать!.. – засюсюкала вдруг Капитонова и зачмокала губами воздух. – Иди сюда, мамочка тебя пожалеет!

– Я с малолетками и нимфоманками дела не имею, – отрезал Седой. – А пожалеешь ты меня в следующий раз, когда будешь отдуваться за меня в таком же режиме и под таким же словесным давлением Савраскина.

– Ленчик, но ты же у нас умненький! А я живу одним днем, я такая! – Капитонова откинулась в кресле и замотала ножкой.

Седой тяжело вдохнул носом воздух и отвернулся к компьютеру.

«Вы здесь, похоже, все такие...» – резюмировал я про себя. Подумав еще немножко, я добавил, так же про себя: «Вот поработаю здесь, и таким же стану...»

– Так, думаю, что нам пора, – сказал Седой, выключая компьютер. – Все остальное завтра. Завтра с утра продолжим обсуждение, а сейчас пошли отсюда, пива попьем.

– Ой, мальчики, а можно я с вами? – оживилась вдруг Капитонова. – Так пива хочется...

– Пошли, но с одним условием – ты платишь за себя, – сказал Седой.

– Фу, какой ты противный! – замахала на него руками Капитонова. – Ну подумай сам, откуда у меня деньги... на пиво?

– Меня это не волнует! Назвалась феминисткой – будь ей до конца!

– Я извиняюсь, – встрял я в милую беседу Седого с Еленой, – но ты не так давно назвал Лену нимфоманкой, а сейчас называешь феминисткой...

Седой бросил скептический взгляд на меня, потом иронический взгляд на Елену.

– Все от того, есть у нее деньги или нет. Если деньги есть – она феминистка, если же нет – нимфоманка.

– Вот мерзавец! – возмущенно отреагировала Капитонова. – Ты мне всю репутацию испортишь! Какого мнения будут обо мне люди?!

– Ладно, – примиряюще сказал Седой. – Пошли! Угостим тебя пивом, тем более что сегодня Володька башляет.

Мы вышли втроем из кабинета и на лифте спустились вниз. Вместе с нами в лифте ехал уже знакомый мне Александр Бомберг.

Похоже, замредактора Бомберг был не слишком разговорчивый товарищ вообще. Пока лифт опускал нас с шестого этажа на первый, Капитонова умудрилась отпустить такое количество комплиментов по поводу внешнего вида и достоинств замредактора, что любой зрелый мужчина хотя бы одарил даму благодарной улыбкой. Однако Бомберг ограничился какими-то невнятными замечаниями.

Он первым выскочил из лифта, вынимая на ходу ключи от автомобиля. Когда же мы выходили на улицу, он уже усаживался в машину, пискнувшую сигнализацией.

– А журналистика, наверное, доходный бизнес, – обратился я к Седому, – если заместитель редактора может себе позволить ездить на «БМВ».

Седой внимательно посмотрел в сторону тронувшейся с места машины Бомберга и ответил:

– Любой бизнес, Вова, определенные люди могут сделать доходным...

– Ладно вам, завистники! – улыбнулась Капитонова. – Ну, пускай иномарка, но ведь не новая же... И вообще Санечка сегодня какой-то грустный, видать, неприятности у него...

Мы и представить себе не могли, насколько верно было наблюдение Елены. Что значит женщина! Мы и десяти метров от стоянки у издательства не прошли, как были оглушены мощнейшим взрывом, раздавшимся позади нас.

С деревьев посыпались сорванные взрывной волной листья и ветки. В воздухе стоял звон. Лишь секундой позже я сообразил, что это звенят стекла окон близлежащих зданий, выбитые взрывной волной. Одно из стекол упало недалеко от нас и, вдребезги разбившись, поранило Лену Капитонову. Осколок попал ей в ногу.

Она вскрикнула, ухватившись за порезанное место, но так же, как и мы, не отрывала взгляда от завораживающего зрелища – горевшей автомашины Александра Бомберга. Автомобиль взорвался, не успев выехать на шоссе. Лишь по счастливой случайности взрыв не задел другой автомобиль, бежевую «шестерку», которую Бомберг пропускал, выезжая со стоянки. В момент взрыва она удалилась от «БМВ» уже на безопасное расстояние. После взрыва водитель остановил машину. Остановились также все прохожие, находившиеся в этот момент рядом, и еще две машины поодаль. Все молча и без движения наблюдали за пламенем, вырывающимся из взорванной иномарки. Спешить на помощь было бессмысленно. Машина превратилась в груды железа, а водитель наверняка был уже мертв. Мощностъ взрывного устройства была настолько велика, что у водителя выжить никаких шансов не было.

Наконец во мне проснулся врач, и я, оторвав глаза от ужасного зрелища, обратился к Елене:

– Покажи, что у тебя там.

Я задрал мокрую от крови штанину джинсов и осмотрел порез.

– В общем, ничего страшного. Ты чем пользуешься – тампонами или прокладками?

– Прокладками, – удивленно ответила Лена.

– Давай сюда одну. Есть?

Капитонова залезла в сумку и вытащила оттуда упаковку «Carefree». Я приложил к ране прокладку и привязал носовым платком. На удивление быстро раздался вой милицейских сирен. Скорее всего оперативно сработали сотрудники издательства, которые наблюдали за происшедшим из разбитых окон своих кабинетов. С разных сторон к издательству подъехали две милицейские машины – «уазик» и «жигуленок». Еще через минуту прибыли пожарные. Обе службы занялись своими делами: милиция отгоняла зевак, огораживая площадку по западной моде лентой с надписью «Милиция», пожарные же принялись поливать водой горящий автомобиль. Последними приехали мои бывшие коллеги – медицинские работники. Впрочем, делать им особо было нечего. «БМВ» Бомберга взорвался между двумя другими автомобилями, стоявшими на стоянке, – «девяткой» и старым «Москвичом». Обе машины изрядно пострадали, однако именно они уберегли прохожих, приняв удар на себя.

К нам подошли два сержанта и вежливо попросили отойти в сторонку. Как очевидцам происшествия нам было предложено дать показания следственной группе. Мы с Седым, помогая раненой Капитоновой передвигаться, угрюмо побрели в сторону «уазика».

Следующие несколько часов мы провели в обществе милиционеров, рассказывая о произошедшей на наших глазах трагедии. Собственно, рассказать мы смогли не очень-то много. Однако рассказ пришлось повторить несколько раз разным чинам, калибр которых с каждым часом укрупнялся. Наконец, когда на улице стемнело и уже перевалило за полночь, милиция, опросив почти всех работников редакции, завершила свою работу.

Мы сидели, усталые, втроем – я, Седой и Капитонова – в их комнате, из разбитых окон которой в помещение врвался свежий майский ветерок. Мы курили.

– Допрыгался Александр, – сказал наконец Седой, прервав затянувшееся молчание. – Влез наверняка в очередное темное дело.

– Он был классный парень и хороший журналист, – утирая слезы маленьким платочком, проговорила Елена. – Лучшим из нас...

Седой никак это не прокомментировал, лишь бросил на Капитонову хмурый взгляд:

– Ладно, пошли, дома будешь плакать. Время уже позднее. Завтра менты опять наверняка нагрянут... Эх, начались горячие денечки! – Седой вздохнул и поднялся с места.

Когда мы вышли из здания издательства, Борисов выразил желание проводить Капитонову домой. Я остался один. Мне жутко захотелось выпить, и я в круглосуточно работающем павильончике купил бутылку мартини.

Придя домой, я первым делом выпил приличную дозу коктейля и всерьез подумал о том, в какое дерьмо я угодил. Послушал же этого придурка Седого и устроился на такую работу! Однако, выпив еще коктейля и успокоив свои нервишки, я решил: «Что случилось – то случилось. А худа без добра не бывает».

Глава 3

На следующий день утром я встал поздно, так как забыл включить будильник. Собственно, я и не собирался прийти в редакцию рано.

Я не спеша позавтракал, влил в себя остатки мартини и в издательство прибыл около часа дня. Каково же было мое удивление, когда, едва переступив порог кабинета Седого с Капитоновой, я был подвергнут раздраженным словесным атакам Седого.

– Ты где, черт возьми, шляешься? – вскочил он с места. – Или ты вообще утром на работу приходить не можешь?

Я не нашел что возразить непонятно чем раздраженному Седому и просто спросил:

– А что, собственно, случилось? Уж не покушались ли на главного редактора? Жив ли господин Гармошкин?

– Жив, – буркнул Седой. – И очень хочет тебя видеть.

– Зачем?

Седой сел за стол и сделал вид, что внимательно читает какие-то бумаги. Спустя некоторое время он поднял на меня глаза и сказал:

– Ну, в общем, есть у него к тебе разговор... Иди, сам все узнаешь.

Я не стал мешкать и направился в кабинет главного редактора.

– Добрый день, – сказал я читающей газету секретарше. – Гармошкин сейчас свободен?

– Свободен, – ответила Ирина, не отрываясь от газеты. – Ждет вас.

Я застал Гармошкина в весьма плачевном состоянии. Похоже, что события вчерашнего вечера отрицательно сказались на главном редакторе. Возможно, он провел ночь без сна, о чем говорили обширные круги под глазами. Ежик его волос поник, как колосья хлеба после града. В пепельнице уже было полно окурков. В момент моего появления Гармошкин с кем-то говорил по телефону, стараясь быть по максимуму немногословным. «Да... Нет... Пока не знаю... Как только что-то будет, я тут же сообщу... Договорились... Пока». Гармошкин, скривясь, положил трубку. Физическое состояние, и этот разговор, и все окружающее его не доставляло ему никакого удовольствия. Он все делал через силу.

Тем не менее, завидев меня, он оживился.

– Я ждал вас, – начал он многообещающе, как только я устроился в кресле. – Владимир Александрович, мне нужна ваша помощь.

– Да, пожалуйста... – с готовностью сказал я. – Речь идет о моей работе?

– Да... Но не о том, о чем мы вчера говорили. Понимаете...

Гармошкин немного помолчал, закурил, потом снова продолжил:

– Все эти вчерашние ужасы, и все, что за этим последует... В общем...

На удивление, он никак не мог найти подходящих слов.

– В общем, все это непросто и неоднозначно. Боюсь, что из-за этого взрыва изменится многое в нашей жизни...

– Василий Борисович, вы не могли бы покороче и сразу по сути дела? Я вас не понимаю...

– Да-да, – сказал Гармошкин, тут же скривившись, как от зубной боли. – Я пока еще не предполагаю, где искать корни вчерашнего преступления, но считаю, что как редактор имею право заказать собственное расследование происшедшего. В связи с этим я прошу вас взяться за него. Нет-нет, не перебивайте меня! Вчера я много думал и случайно вспомнил, что вы обмолвились о вашей прежней работе детективом. Я сначала счел, что это шутка... Но сегодня, поговорив с Леонидом Борисовым, я понял, что вы действительно классный специалист. По крайней мере, именно такой вывод напрашивается из того, о чем он мне рассказал про вас. Я навел справки еще и по некоторым милицейским каналам. Там мне сказали, что ваша фамилия действительно фигурировала во многих громких делах. И хотя вы держались в тени, милици-

онеры все же приватно подтвердили, что именно благодаря вам раскрыто много преступлений. Поэтому я очень вас прошу: помогите мне и будьте уверены, что я в долгу не останусь.

Гармошкин закончил свою речь и как бы в подтверждение этого загасил сигарету в пепельнице.

Я сразу же хотел категорически отказаться. Однако вид Гармошкина был настолько удрученным, что я не решился отказать сразу. Наверное, он все-таки искренне переживал смерть своего сотрудника и хотел во всем разобраться.

– Видите ли, я не хочу, чтобы вы меня поняли неправильно, – начал я. – Я не хапуга, но расследование – дело дорогое и может затянуться надолго. Я не уверен, что это вам экономически по силам...

– Да-да, – медленно покачивая головой, произнес Гармошкин. – Борисов говорил мне о ваших расценках. Думаю, что сто пятьдесят долларов в день я вам выдавать смогу. У меня есть полное моральное право воспользоваться резервным фондом редакции. Пока же я лично прошу вас заняться этим. При условии, что, кроме меня, вас и вашего друга Борисова, об этом никто не будет знать.

Я посидел в раздумьях минуты две-три, потом заговорил:

– Хорошо. Я согласен при следующих условиях – сто пятьдесят долларов в день плюс расходы. Однако я не могу гарантировать вам положительного результата. Вы же оставляете за собой право прервать расследование и расторгнуть наш договор в любой день.

Гармошкин взъерошил свои волосы, видимо, для стимуляции мыслительной деятельности.

– Хорошо. По рукам. Считайте, что с сегодняшнего дня вы на работе.

– И еще, – добавил я. – У меня есть друзья, которые иногда мне помогают в расследовании. Они будут посвящены в отдельные эпизоды дела.

– Вам виднее, – устало произнес Гармошкин. – Но обо всем в первую очередь докладывайте мне. И помните: для всех вы – новый сотрудник редакции. Кстати, приказ о вашем зачислении на работу я уже подписал. Думаю, это будет для вас неплохой «крышей»...

Я кивнул головой в знак согласия и вышел из кабинета.

Зайдя в комнату к Седому, который в одиночестве сидел за компьютером, я плюхнулся в кресло и закурил.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Седой. – Договорились?

– Договорились, – сказал я.

– Ну и дурак, – сказал Седой. – В это дело лучше не ввязываться.

– Странно это слышать от человека, – я бросил на Седого злобный взгляд, – который расхваливал меня как частного детектива Гармошкину, провоцируя его таким образом сделать заказ.

– А я не расхваливал. Я просто сказал правду. Что было, то было...

– Вообще, честно говоря, у него был такой вид, что я не смог ему отказать, – признался я.

– Ну, все правильно... Ты же у нас добрый и умный, как Карлсон, – съязвил Седой. – И что же ты думаешь делать?

– Надо подумать. Но коли уж ты втравил меня в это дело, от тебя потребуется помощь.

– Да я всегда...

– Ты вчера сказал несколько странных фраз. Я хотел бы, чтобы ты их расшифровал.

– Это какие же? – спросил Седой, закуривая.

– Ну, например, что ты имел в виду, когда говорил что-то о доходном бизнесе погибшего?

– Скажу тебе откровенно – никаких фактов у меня нет. Но почти все знают, что Бомберг был не только хорошим журналистом. Он умел раскапывать факты и собирать материал по самым неожиданным и сложным делам. А еще он умел все полученные факты использовать в своих интересах. Были случаи, когда Бомберг публиковал статьи в газете, которые являлись

разгромными для той или иной фирмы, компании, того или иного политического деятеля или известного бизнесмена. Однако впоследствии выяснилось, что эти статьи в значительной степени были выгодны конкурентам тех, на кого Бомберг «наезжал». В общем, сколько я знал Александра, эти слухи за ним тянулись всегда. В конечном счете, можно на это обращать внимание, можно и не обращать. Некоторые считают, что слухи распускали завистники. Александр был состоятельным человеком. Даже при повышенных гонорарах и в должности заместителя редактора сложно купить себе иномарку. Да и вообще – жил он в богато обставленной квартире в центре города, хорошо одевался... Однако все свои дела Бомберг обделывал исключительно аккуратно. Скорее всего у него были достаточно высокие покровители. А может, он умело лавировал между ними. Все эти свои худшие подозрения насчет Бомберга я бы никогда не стал излагать, если бы не его смерть.

– Хорошо... – задумчиво произнес я. – Допустим, это одно из направлений. Что еще могло привести его к такому ужасному концу? Ведь он работал, если так можно выразиться, в «горячей» сфере. Наверняка не раз переходил кому-то дорогу. Такой человек не мог не иметь врагов в городе.

– Да, ты прав. Круг поиска может быть гораздо шире. Но именно в этом направлении стоит искать преступников. Думаю, что именно преступников, так как одному организовать такое убийство сложно. Наверняка работали профессионалы-бомбисты.

– Да, похоже, что придется изучить то, чем в последнее время профессионально интересовался Бомберг. Чем, кстати, он в последнее время занимался?

– Я не знаю и боюсь, что мало кто знает. Бомберг был в редакции на особом положении. Как человек известный и влиятельный в журналистских кругах, он мог себе позволить ни с кем не делиться своими планами и предоставлял редколлегии и главному редактору лишь конечный продукт – готовые статьи.

– Ну вот, с готовой продукцией мы и начнем. Никакой другой конкретики у нас пока нет, – подытожил я наш разговор.

Остаток дня я провел в редакции, изучая подшивку газеты за последние три месяца. Это мое занятие не раз прерывалось различными событиями, происходившими в редакции. Всех их, однако, объединяло то, что они были связаны со вчерашним происшествием.

Ближе к вечеру появилась Капитонова, которая сообщила о своем посещении милиции. Она рассказала, что сформирована следственная бригада и что нас троих вызывают на беседу со следователем завтра. По имеющейся информации, пока что следователи не предприняли никаких конкретных действий.

На заседании редколлегии было принято решение о выпуске специального номера газеты, посвященного убийству коллеги. В коридоре был вывешен большой портрет Бомберга в траурной рамке. Весь журналистский коллектив был задействован в формировании спецвыпуска. Кто-то писал обширный некролог, кто-то работал над биографической статьей, кому-то было поручено собрать информацию о криминогенной обстановке в городе.

К вечеру коллектив редакции собрался на совещание в комнате секретариата. Разумеется, я тоже явился. Председательствовал Гармошкин. Рядом сидели двое мужчин, которых я раньше не видел. Пока Гармошкин открывал собрание и делился последней информацией о ходе начавшегося следствия, я шепотом попросил Седого рассказать, кто есть кто.

– Тот, что справа от редактора, – он указал на маленького смуглого, похожего на цыгана мужчину в очках, – заместитель редактора по гуманитарным вопросам Сергей Пыжиков. А слева, – он показал на хмурого плотного мужчину с гладко зачесанными волосами, подпирającego подбородок сцепленными руками, – коммерческий директор газеты Борис Кострюков. Он, кстати, тоже пострадавший...

– В каком смысле? – удивленно спросил я.

«Девятка», которую покорежило при взрыве, была его.

– Надо же, не повезло парню...

– Точно. Они с Бомбергом не особенно любили друг друга. А тут получилось, что Бомберг его и, уходя на тот свет, достал...

– Слушай, а много вообще людей здесь не очень жаловали убитого?

– Хватает, – усмехнулся Седой. – Люди вообще по натуре завистливы. А Бомберг к тому же раздражал многих своим высокомерием.

– Однако расстроены, похоже, здесь все, – констатировал я, оглядев собравшихся. – Хотя машина пострадала только у коммерческого директора.

– Они не огорчены, а скорее напуганы, – сказал Седой.

– Здесь должны быть какие-то странные обстоятельства: или дело слишком серьезное, или заказчик убийства какой-нибудь психопат, – заметил я.

Собрание закончилось через полчаса. Было принято решение оказать материальную помощь семье погибшего.

Выходя из секретариата, я вдруг обратил внимание на шедшую рядом со мной высокую шатенку с красивым живым лицом. Когда мы с Седым оказались вдвоем в кабинете, я спросил его о ней.

– Это Тамара Тарасова, заведующая отделом информации, – ответил он. – Ее можно отнести скорее к сторонницам погибшего, как, впрочем, и многих других особей женского пола в нашей газете... Ты пролистал подшивку?

– Не всю. Придется, видимо, взять домой. Из того, что я видел, могу сделать лишь вывод о том, что в последние два месяца Бомберг не слишком много чего выдал. Из всех публикаций могу выделить статью о разгроме банды рэкетиров. Ну, может быть, интерес представляет пара статей о нецелевом использовании госсредств Фондом занятости... И, наконец, последняя статья о передаче собственности на Карповском рынке, который, по мнению Бомберга, незаконно приватизировала группа компаний под названием «Бриг».

– Что касается разгрома группировки, то информацию он получил от ментов, – прокомментировал Седой. – В основу статьи о нецелевом использовании средств в Фонде занятости были положены результаты официальной проверки. Карповский рынок, пожалуй, более интересное дело... За этот не очень большой рынок долго боролись несколько компаний, и верх одержал «Бриг». Это все, что я знаю. Для более предметного разговора необходимо все же собрать побольше информации.

– Ты сможешь это сделать до завтрашнего дня?

– Думаю, да.

Седой встал, достал из шкафа куртку и задумчиво произнес:

– Давай, до завтра...

И вышел из кабинета.

Я положил в пакет подшивку газет и также отправился домой – листать ее дальше.

Моя вечерняя работа не принесла ничего кардинально нового. Еще каких-то статей Бомберга я не нашел, однако в информационной колонке его фамилия значилась. Но определить, какая информация была его, а какая нет, было невозможно, так как фамилии готовивших информационный блок журналистов стояли общим списком в конце колонки.

Закончив листать подшивку, я позвонил капитану милиции Дынину.

– Вовк, ты? – услышал я знакомый голос. – Как дела?

– Нормально, – ответил я. – Мне нужна информация.

– Какая информация?

– Убит известный журналист Александр Бомберг. Ты можешь мне сообщить, какие версии отрабатывает следствие?

– Вовк, ты что, опять в деле, что ли? Работаешь на кого-то?

– Да, да, – раздраженно ответил я. – Работаю... Но не по телефону об этом.

– А зачем тебе версии? Это же информация... секретная...

– Затем, чтобы не соваться туда, где уже работают менты. Что касается секретов, то я столько раз помогал нашей славной милиции и тебе как ее представителю, что ты мог бы и не волноваться на этот счет за меня.

– Ну хорошо. Я узнаю все, что смогу. Я этим делом не занимаюсь, я же в другом отделе. Там, наверное, уже руоповцы работают, прокуратура...

– Тогда заранее спасибо. Жду тебя завтра вечером.

– Угу, – сказал Дынин и положил трубку.

Я закурил и подумал, что это, пожалуй, все на сегодня. Хватит для первого дня расследования. Придя к такому выводу, я начал писать первую заметку для своей медицинской колонки. Покончив с этой работой, с чистой совестью отправился спать.

Утром же, явившись в редакцию, я не застал там Седого. В комнате сидела одна Капитонова. Она задумчиво курила. Поздоровавшись, я спросил, кому мне отдать материал для своей колонки. Капитонова сказала:

– Отнеси Савраскину.

В секретариате ответственного секретаря я не застал. На месте была его заместитель, молодая девушка, которую звали Инна Горбатова.

– Что вы хотели? – поинтересовалась она.

– Материал принес, – ответил я и положил перед ней рукопись.

– Что это?

– Статья о вреде солнечных лучей, – объяснил я.

– Не пойдет, – сказала она, скептически на меня посмотрев.

– Почему?

– Потому что Алексей Николаевич требует, чтобы материалы сдавались в напечатанном виде.

– Но я не умею печатать!

– В таком случае отдайте это наборщице.

– Так вы сами и отдайте.

– Вон там папка «В набор», положите туда. И поставьте дату сдачи материала.

Я выполнил все требования и вернулся к себе в кабинет. Там уже был Седой. Капитонова куда-то вышла. Я воспользовался ситуацией и спросил:

– Ну что, выяснил?

– Да, вчера позвонил кое-кому... В общем, суть дела в том, что над Карповским рынком пытались установить контроль две компании – «Визарис» и «Бриг». Поначалу на приватизационных торгах они не смогли в одиночку завладеть рынком. Тогда договорились о совместном управлении – управляющий был назначен от «Брига», заместитель – от «Визариса». Однако впоследствии компании не оставили своих попыток получить в свои руки контрольный пакет, и к моменту, когда подошел второй этап торгов, «Бриг» или лучше подготовился, или лучше продвинул свою кандидатуру в администрации. Не знаю, что там точно произошло, но получилось, что торги выиграл «Бриг». После этого и начался скандал. «Визарис» подал апелляцию и заявил, что торги были проведены с нарушениями и что на самом деле все это было подстроено местной администрацией. Представители же «Брига» в ответ объявили все это вымыслом проигравшего конкурента, что «Визарис» не выполнил условия инвестиционного конкурса, поздно оформил бумаги и не внес определенной суммы залога. А «Визарис» зацепился за то, что об условиях проведения торгов они не были проинформированы в срок. «Бриг» же до сих пор не перевел основную сумму в городскую казну, хотя прошло уже полгода. Кроме того, инвестиционная программа, декларированная «Бригом», практически не выполняется. Никаких инвестиций на реконструкцию и развитие рынка фирма «Бриг» не осуществ-

ляет. А «Бриг» все опровергает и утверждает, что все необходимые средства за этот период были инвестированы...

– Слушай, ты можешь понятнее излагать? Я, откровенно говоря, ни хрена не понимаю в том, что ты сказал.

– Я, в общем, тоже, – признался Седой. – В этом конкурсе, в его условиях, да и вообще в этом деле сам черт ногу сломит. Все заранее было сделано так, чтобы никто ничего не понял. Видимо, эти группировки не поделили что-то между собой. Обычная история... Первоначально их условия устраивали. Но каждый из них рассчитывал на закулисные игры. И в этом сильнее оказался «Бриг». Или, может быть, просто больше дал... туда...

При этих словах Седой посмотрел на потолок.

– Вот, собственно, и все, что мне удалось выяснить, – сказал он, подводя итог.

– Значит, можно предположить, что Бомберг принял сторону одной из этих группировок, то есть проигравшей? И написал разгромную статью о многочисленных нарушениях на торгах. Так?

– Так получается, – сказал Седой.

– А у «Брига» были основания, мягко говоря, недолюбливать Бомберга. И считать, что после статьи начнется новая атака, которая может серьезно поколебать их позиции.

– Наверное...

– В таком случае займемся этой версией. По крайней мере, других у нас нет...

– Слушай, а не навестить ли нам руководство рынка, самого директора, – Седой уткнулся в газету, – Барсукова?

– А что это нам может дать? – раздумывая, произнес я.

– Честно говоря, не знаю. Но, как минимум, поглядим в глаза одному из возможных заказчиков убийства. Может быть, удастся спровоцировать его на какие-то откровения. Шанс, конечно, слабый, но использовать мы его вполне можем.

– А в качестве кого мы туда пойдем?

– В качестве журналистов, конечно...

Я, подумав, согласился:

– Что ж, мысль скорее всего здравая...

– Тогда поехали прямо сейчас, чтобы не терять времени.

Глава 4

Пока мы ехали в такси к Карповскому рынку, меня все же охватили сомнения насчет целесообразности этого шага. Но, с другой стороны, как еще можно было вести расследование? Не устраиваться же мясником на рынок...

Карповский рынок был небольшим. Справа от ворот стояло двухэтажное здание. На втором этаже сидела администрация. Мы сразу же поднялись туда и отыскивали кабинет директора. В этот момент нас догнал какой-то невысокий плотный мужчина с реденькими светлыми волосами, тщательно зачесанными назад, и, ухватившись за ручку кабинета, открыл дверь. После этого он задержал на нас взгляд и спросил:

– Вы что-то хотели?

– Мы бы хотели поговорить с господином Барсуковым, – вежливо ответил Седой.

– Это я. А что вам нужно? – довольно бесцеремонно спросил директор, по-прежнему держа за ручку двери.

– Видите ли, мы журналисты. Хотели бы побеседовать, – сказал я.

Седой показал свое служебное удостоверение. Я показал свое, которое мне выдали сегодня утром.

– Журналисты? – нахмурился он, внимательно рассматривая удостоверения. – Не о чем мне беседовать с журналистами!

– Да вы не волнуйтесь, мы не отнимем у вас много времени. В крайнем случае, мы можем прийти, когда вам будет удобно, – примирительно заговорил Седой.

Последние слова были произнесены уже в спину закрывающему за собой дверь Барсукову. Однако Седой проявил обычную, видимо, для журналистов настойчивость и отправился вслед за директором в кабинет. Я пошел за ним.

– Я вам что сказал?! – заревел, увидя нас в кабинете, Барсуков. – Вышли отсюда, оба! Я с вашим братом-журналистом вообще ничего общего не хочу иметь!

– Послушайте, – жестко заговорил Седой, – я с вами не о вашем здоровье пришел говорить. Если вы сами не сознаете важности создавшейся ситуации, то я вам готов объяснить. Убит известный журналист Александр Бомберг. На расследование этого преступления брошена масса сил и средств. Неужели вы считаете, что разумно в этих условиях отказаться дать интервью той газете, чей сотрудник погиб? Насколько я знаю, у вашей фирмы были свои отношения с Бомбергом, и простыми они не были.

– Да, не были, – зло произнес директор.

И после некоторого раздумья сделал приглашающий жест рукой.

– Да, у нас были к нему претензии, – сказал он. – Но это не значит, что я не уважал его как журналиста и плохо относился к нему как к человеку.

Тон и поведение Барсукова менялись на глазах. Агрессивный настрой сменился корректностью и, казалось, вот-вот должен был перейти в доброжелательность. Но этого не случилось. Директор подчеркнуто вежливо объяснил:

– Я могу вам сказать следующее. Бомберг выступил в ситуации, сложившейся вокруг приватизации Карповского рынка, на стороне наших конкурентов. Статья, написанная им, создала нам немало сложностей. Но эти сложности можно скорее отнести к сфере имиджевой оценки деятельности нашей компании. Однако я уверен, что Бомберга ввели в заблуждение, подсунав ему факты, не соответствующие действительности. И удивляет, что такой журналист, как Бомберг, не предпринял никаких действий для проверки этих сведений. Хотя для этого достаточно было обратиться к нам, оппонентам. Однако это его выбор, и мы его за это не осуждаем.

– Но, однако же, вы обвинили его в непорядочности и предвзятости, – заметил Седой.

– Я вам еще раз повторяю, – уже более жестко произнес директор, – что одно дело – претензии к Бомбергу как журналисту. Это обычный и даже заурядный процесс ведения споров двумя сторонами. Другое дело – убийство человека. И я категорически против того, чтобы трепали имя нашей фирмы в связи со смертью журналиста. Более того, мы это никому не позволим. Всякий, кто захочет заработать себе авторитет на этом деле, серьезно рискует нарваться на неприятности. В общем, копайте там, где нужно, и не лезьте туда, куда вас не просят.

Концовка речи Барсукова была выдержана в том тоне, в котором начиналась наша беседа. И я понял, что пора закругляться. Видимо, ничего путного мы здесь больше не услышим. И мои мысли тут же подтвердились действиями Барсукова. Он встал и сказал:

– Господа, я считаю оконченным наш разговор. Я сегодня крайне занят.

Седой порывался еще что-то спросить, но я опередил его. Я поднялся с места и сказал:

– Нам действительно пора. Спасибо за беседу.

– Пожалуйста, – раздраженно ответил Барсуков и вызвался нас проводить.

Мы спустились на первый этаж и, пройдя мимо мясных рядов, у входа распрощались с Барсуковым. Скорее всего директор решил все-таки оставить о себе благоприятное впечатление. «С чего бы это?» – подумал я.

Еще несколько минут мы постояли у рынка, ловя машину. Потом погрузились в какую-то старую «Ниву» и поехали в редакцию. Всю дорогу мы молчали, так как обсуждать, собственно говоря, было нечего. Однако, зайдя в нашу комнату в редакции, Седой тут же спросил:

– Ну, что-нибудь уяснил для себя?

– Если откровенно, то ничего, – ответил я. – Думаю, что мы просто зря потратили время. Надо узнать сегодня вечером у Дынина, работают ли менты над этой версией...

Дверь кабинета открылась, и перед нами предстал ответственный секретарь Савраскин.

– Где материал? – спросил он.

– Какой материал? – удивленно взглянул на него Седой. – Я сегодня ничего сдавать не должен.

– Ну, этот материал в медицинскую колонку... Я не знаю, кто из вас его пишет.

Седой вопросительно посмотрел на меня.

– Я еще утром отдал его в набор. Вернее, положил в папку, как мне и сказали, – ответил я.

– А почему после этого не отдали его мне?

– А зачем он тебе должен отдавать? – спросил Седой.

– У нас новый порядок. Теперь все материалы сдаются мне с указанием имени компьютерного файла, обязательно с расширением «txt» и указанием объема в килобайтах.

– Недавно же приняли решение, что все сдается в компьютерном варианте...

– Да, приняли. Но потом отменили, – сказал Савраскин. – Потому что не все работают на компьютере, а пишут вручную или приносят тексты, набранные на машинке. Они постоянно теряются. Поэтому теперь все некомпьютерные материалы должны сдаваться мне.

– Савраскин, ты теперь каждый день технологию менять будешь? – спросил Седой.

– Если этого требуют интересы дела, то буду. И вас об этом не спрошу! – категорически заявил Савраскин. – Вы идите и ищите эту статью где хотите!

Я безропотно поднялся и отправился в секретариат. В папке «В набор» статьи не оказалось. Наборщица, которая обрабатывала мой материал, по каким-то делам отлучилась из редакции. На вопрос: «Где статья?» – вразумительного ответа мне не смог дать никто. Наконец, перерыв все, статью нашли в папке «На корректуру». После чего меня заставили отдать статью корректору, который исправил имевшиеся ошибки и отдал ее мне, чтобы я передал ее наборщице для исправления ошибок в компьютерном варианте. После этого я сообщил о своих действиях Савраскину, который высокомерно заявил мне о том, что с этого момента он держит ситуацию под контролем и что я могу быть свободен. Вернувшись в кабинет к Седому,

я выразил удивление, как можно в таком простом действии, как сдача материала в набор, развести столько бюрократии. Седой усмехнулся и ответил мне:

– Как говорит ответственный секретарь Савраскин: «Главное – наладить технологический процесс».

– На сегодня с меня хватит ваших газетных технологий. Пожалуй, я пойду домой.

– Я, наверное, с тобой, – сказал Седой. – Посидим, выпьем пива.

– Хорошая идея, – согласился я.

Мы вышли вдвоем из здания издательства и отправились ко мне домой, попутно зайдя в магазин за пивом. Погода была великолепной, стоял тихий майский вечер. Теплый ветерок обдувал наши лица, когда мы шли по набережной. Каждый из нас нес в руках два пакета с «Хольстеном».

В приподнятом настроении мы вошли в мой подъезд и остановились в ожидании лифта. Поскольку лифт почему-то долго не приезжал, мы решили все же подняться на третий этаж пешком. Не успели подняться по одному из лестничных маршей, как путь нам преградили два здоровенных парня.

Поначалу этой встрече я не придавал никакого значения. Парни расступились. Осознал я опасность ситуации, когда сзади глухо вскрикнул Седой. Я развернулся и с удивлением обнаружил, что Седой уже лежит на ступенях, а один из молодчиков лупит его ногами и резиновой дубинкой, которая неожиданно появилась у него в руках. Я перевел взгляд на второго. Дитина ослабилась, а потом ткнул мне в лицо дубинкой. Перед глазами у меня все поплыло, и я, держась одной рукой за стену, тихо сел на ступеньку лестницы.

Смутно я услышал, что один из молодчиков сказал другому:

– Этому, по-моему, хватит... Толстомордому еще наваливать будем?

Мой обидчик посмотрел на меня и сказал:

– Он какой-то хлипковатый оказался... Такой боров, а свалился от одного удара!

Я проглотил слюну и задал, на мой взгляд, резонный вопрос:

– Ребята, а что вы хотите? У нас только пиво.

– Пиво? – удивленно переглянулись парни.

– Да, пиво... «Хольстен» в банках.

Один из парней взял пакет, достал оттуда банку и открыл ее. Сделав два больших глотка, он передал банку другому и сказал:

– Пиво – это хорошо.

Второй тоже отхлебнул пива и стал поливать остатками стонущего на ступенях Седого.

– Ну что, козлы? – спросил он. – Вы поняли, что вые. ваться нехорошо?

Седой, видимо, не понял, поскольку в ответ обложил бандитов матом. Они снова принялись обрабатывать его ногами уже вдвоем. Я, собрав последние силы, поднялся и налег на одного из них. Однако бандит сильно ударил меня локтем в бок. У меня перехватило дыхание, и я медленно сполз вниз. После этого получил еще несколько ударов и скрючился на полу рядом с Седым. Бандиты все же старались не особенно. Из их слов и действий можно было предположить, что это скорее всего предупреждение.

– В общем, так, уроды... Пишите там свои писульки о природе и погоде, а куда не надо, свои вонючие носы не суйте. У серьезных людей и без вас забот хватает. В следующий раз мы вам эти дубинки в жопу засунем и через рот вынем.

От побоев мое тело мерзко ныло. Но еще гаже было на душе. Тут мы услышали знакомый суровый голос:

– Так... Что здесь происходит?

И после некоторой паузы:

– Что это, бл. дь, за бардак?!

Я поймал себя на мысли, что очень давно не радовался этому голосу. В какой-то момент мне даже показалось, что это самый родной и дорогой для меня голос во всей Вселенной. Я приподнял голову и сквозь туман разглядел стоящего на лестнице внизу своего приятеля Дмитрия Дынина.

Бандиты окинули Дынина скептическими взглядами и спросили:

– А тебе что, п. дюк лысый, надо? Вали отсюда, пока мы из твоей лысины жопу не сделали!

Оба молодчика угрожающе надвинулись на Дынина. Но наш славный воин не растерялся и быстренько сунул руку в карман. В момент, когда головорезы приблизились к нему, он, словно бабочку, выхватил из кармана свое милицейское удостоверение и изящным движением раскрыл его.

– Капитан милиции Дынин. Бр-росить оружие, р-руки на затылок! – раздался громоподобный голос неумолимого борца с преступностью.

В подтверждение своих слов Дынин добавил:

– Потом будет хуже...

Молодые люди, видимо, не очень любили милицию и пиетета перед ней не испытывали. Поначалу они тупо смотрели на удостоверение Дынина, потом переглянулись, и один из них сказал другому:

– Только мента нам не хватало.

– Может, его замочить? – спросил второй.

– Другого шанса не остается, – резюмировал первый.

Похоже, последние слова произвели на Дынина сильное впечатление. Резвость и сноровка, которые проявил мой любимый капитан милиции, оказались не хуже, чем у героев американских боевиков. Дынин мгновенно въехал коленкой между ног одному из людей, которые столь бесцеремонно рассуждали о его жизни и смерти, оттолкнул другого и, засунув руку в карман пиджака, с такой силой рванул оттуда пистолет, что порвалась подкладка. Заметив пистолет, активность проявили уже бандиты. Один, который съехал после удара в самое болезненное мужское место, с низкого старта устремился к выходу из подъезда. Вслед за ним, пытаясь обойти Дынина с другой стороны, пустился в бегство другой. Ему повезло гораздо меньше, так как очухавшийся Седой выставил вперед ногу и ступней, словно крюком, уцепился за ногу убежавшего. Парень оступился и, взмахнув руками, полетел прямо на Дынина. Тот сделал шаг в сторону, и молодчик, рухнув лицом на лестницу, заскользил по ней вниз, как по гладильной доске. Скотившись, он, видимо, потерял сознание от удара и затих. Дынину не составило особого труда спуститься вниз и надеть на него наручники.

После этого Дынин поднялся к нам и спросил:

– За что это они вас так отделали?

– Жизни учили, – сплюнул кровавой слюной Седой.

– Как это? – не понял Дынин. – Деньги, что ли, отнять хотели?

– Если бы так, – подал голос я, – мы бы сами отдали...

– В этом плане они ограничились только банкой пива, – сказал Седой.

– Они чего... просто дурковали, что ли? – продолжил допрос Дынин. – Вот с-суки! Ну ничего, они у меня в отделе подуркуют, я им обоим член на кулак намотаю!

В этот момент задержанный бандит застонал.

– Дим, похоже, он не очень радуется этой перспективе, – заметил Седой.

– Однако морду пощупать ему будет нелишне хотя бы для того, чтобы узнать, кто их послал, – сказал я.

– Кто послал? Куда послал? – снова удивленно заговорил Дынин.

– Послал нас предупредить, чтобы мы не лезли куда не надо.

– Так это что, заказное убийство, что ли? – вытаращил глаза Дынин.

– Не совсем, – ответил я, – иначе бы мы не разговаривали сейчас с тобой...

– Так... – сквозь зубы произнес Дынин, уже не слушая меня. – Ну, с киллерами у нас особый разговор. В общем, слушай мою команду! Берем этого козла, тащим к Володьке на хату и щемим его на х..!

Дынин сжал кулаки и отправился к арестованному. Он не захотел тащить бандита на себе, поэтому вызвал лифт. Погрузившись туда, мы, наконец, добрались со второго этажа на третий, где и располагалась моя квартира.

Несмотря на то, что было еще не очень поздно, за все время, пока разворачивались и сворачивались события, у нас в подъезде никто из соседей не появился. Может быть, они и появились, но, заметив что-то неладное, благополучно ретировались. Однако, когда двери лифта открылись на третьем этаже, мы тут же наткнулись на моего соседа Николая. При виде нашей избитой компании глаза его расширились, рот раскрылся, и из него выпала зажженная сигарета. Я вежливо поздоровался, прикладывая при этом платок к ссадинам на лице. Николай рефлекторно кивнул мне, не отрывая своего взгляда от арестованного в наручниках, которого Дынин, после того как я открыл дверь, грубо впихнул в мою квартиру. Перед тем как закрыть дверь, я повернулся к Николаю и попытался объяснить ему ситуацию:

– Мы с ребятами тут просто выпили немножко... Ну, и вообще...

Николай понимающе закивал головой и, погрузившись в лифт, быстренько уехал.

Дынин попер бандита прямо в ванную и, открыв кран, подставил под холодную воду его голову. Тот сначала не проявил никакого интереса к этому, потом стал мычать и брыкаться. Дынин, решив, что реабилитация прошла успешно, потащил парня в комнату. Бросив его в кресло, он спросил:

– Ну что, гнида, сразу колотья будешь, или нам с тобой почикаться?

Парень хмуро посмотрел на нас и спросил:

– А что говорить-то? Ну, похулиганили немного... С кем не бывает?!

– То, что вы, мягко говоря, похулиганили, мы и сами догадываемся, – произнес Седой, прикладывая пакет со льдом к своей голове. – Мы тебя, мальчик, спрашиваем, кто из взрослых тебя, маленького, надоумил на такие подвиги...

– Как это – из взрослых? – обиженно заговорил парень. – Никто... Мы сами тут это...

– Ага, понятно, – сказал Седой. – Дынин, с ним придется почикаться.

Дынин тут же вскочил и, наклонившись над парнем, заорал ему в морду:

– Говори, зараза, кто заказчиком был! А то я твои яйца в блины превращу!

– Не знаю я ничего, – испуганно заговорил парень. – Ну, похулиганили.

Дынин разогнулся и, держа руки в карманах, засопел, глядя налившимися кровью глазами на задержанного.

– Вовк, у тебя тиски есть? – спросил он.

– Тиски? Какие?

– Лучше столярные.

Я подумал и ответил:

– Есть.

– Неси! – произнес Дынин, как обрубил.

Я отправился в кладовку на поиски инструмента, который у меня когда-то был. Вернулся с маленькими бытовыми тисочками, в которых можно было обтачивать лишь мелкие предметы. Дынин со скептическим видом принял у меня из рук тиски и произнес:

– На них серьезные дела не сделаешь... Но ничего, я и этими зажму...

И с плотоядной улыбкой scomандовал:

– Седой! Расстегни ему ширинку и вынь на свет Божий все его великолепие. Пусть человек посмотрит на это в последний раз!

– Э!.. Мужики!.. Вы... это!.. Вы не имеете права! – с расширившимися от ужаса глазами заговорил задержанный.

Рука Седого тем временем потянулась к ширинке и медленно повела молнию вниз. Дынин активно работал ключом, раздвигающим тиски.

– Вовк, принеси на всякий случай пластырь, рот заклеить, чтобы он не орал, – сказал он.

– По-мо-ги-те! – заорал во всю глотку парень.

Седой, тут же бросив ширинку, закрыл ему рот ладонью.

– Фамилия... Кто послал... – тихо проговорил он и убрал ладонь.

– Наш директор... Барсуков.

– Директор? Директор чего? – спросил Дынин.

– Директор Карповского рынка Барсуков, – пояснил я Дынину и тут же спросил у задержанного: – Ты работаешь у него? Кем?

– Мясником, – ответил парень.

– Так вот почему эта сволочь повела нас мимо мясных рядов! – сказал я. – Чтобы своим мясникам показать нас как разделочные туши.

– Вот сука! – сказал Седой. – Мы-то, дураки, подумали, что он вежливым себя показать хочет.

– Что он вам говорил, когда посылал на это дело? – спросил я.

– Сказал, что эти двое лезут не в свои дела и хотят нас подставить, поэтому их надо проучить на всякий случай, чтобы они знали, с кем имеют дело, – ответил парень.

– О деталях он не распространялся? Каким образом мы можем его подставить?

– Нет, ничего такого он не говорил. Просто сказал, что вы готовите для него какую-то ловушку...

– Твой напарник тоже мясником работает?

– Да, – буркнул тот.

– Как вы вычислили, где мы живем?

– Барсуков послал за вами одного парнишку – проследить. А сам по вашим фамилиям через справочную нашел адреса. Сначала мы вас около издательства пасли, а потом за вами потихоньку на машине поехали. Когда поняли, что вы идете сюда, решили опередить вас и встретить в подъезде. Выяснили, что живете вы на третьем этаже. Ну и решили, что вы пешком пойдете. На всякий случай встали на втором этаже, чтобы успели догнать, если вы поедете на лифте.

– Так... Все ясно, – сказал Дынин. – Надо его оформлять. Седой, застегни ему ширинку, а то ребята из опергруппы подумают, что мы тут гомики какие-нибудь...

Дынин позвонил в милицию и, объяснив ситуацию, вызвал оперативников. Через двадцать минут на пороге моей квартиры появились милиционеры. Они оформили задержание, и Дынин уехал вместе с ними в отдел.

Было уже за полночь, когда мы с Седым прикончили почти все имевшееся у нас пиво. Позвонил Дынин и сообщил, что задержан второй мясник, участвовавший в нападении на нас. Дынин также сообщил, что утром будет готова санкция прокурора на арест директора рынка, так как показаний его мясников для этого вполне достаточно.

Я поблагодарил Дынина за информацию и его помощь в борьбе с преступниками, покушавшимися на наше здоровье. Положив трубку, я рассказал обо всем Седому.

– Интересно будет узнать, – сказал Седой, отхлебывая пиво, – что этот торговец запоет на допросе. Я так думаю, что следствие нападением на наши личности не ограничится. Наверняка его будут «раскатывать» по делу Бомберга. Похоже, что у следствия появилась серьезная зацепка.

– А ты знаешь, – сказал я после некоторого раздумья, – мне кажется, эта линия все же бесперспективна. Уж слишком все просто получается. Слишком все прямолинейно. Мне почему-то кажется, что Барсуков в убийстве Бомберга не замешан.

– Интересно, что же навело тебя на такую мысль?

– А то, что человек, который это делал, был бы, наверное, более подготовлен ко всему, что за этим последует. В том числе и к нашему визиту. Я думаю, что человек, который заказал убийство, принял бы нас радушно, по максимуму высказывая заинтересованность в раскрытии этого преступления. И уж будь спокоен, он наверняка бы не посылал своих громил, чтобы просто припугнуть нас. Он бы просчитал все наши ходы, определил бы степень опасности, которая от нас может исходить. И, убедившись в этом, послал бы не громил, которые должны были бы пощупать морду, а нормальных киллеров.

– Ну а если предположить, что он просто очень нервничает и готов реагировать на любую, пускай даже малейшую опасность?

– Шансы у этой версии есть, но они невелики, поскольку человек, заказывающий убийство, как правило, просчитывает максимальное количество вариантов развития событий и ведет себя очень осторожно. И уж по крайней мере не будет себя подставлять так глупо подобными грубыми наездами. Потому что он рискует слишком многим. Барсуков же, посылая громил, видимо, не чувствовал такой опасности. Из этого можно сделать вывод, что за ним убийства не числятся.

– Ну, может, ты и прав, – согласился Седой. – В любом случае менты получают возможность доложить начальству, что они напали на серьезный след в этом деле. И второе, что для тебя тоже немаловажно, – менты займутся разработкой Барсукова сами, и тебе можно этим и не заниматься. Единственное, что для меня непонятно, – какой версией теперь заняться тебе.

– Это и я бы хотел знать, – вздохнул я.

– Но, в конце концов, решать все тебе. Ты же у нас гениальный сыщик.

Седой взял банку пива и сказал:

– Последняя...

Я резким движением вырвал банку из его рук и сказал:

– погоди... Ты себе еще купишь, когда домой пойдешь. А эту мне на утро оставим.

– Намек понял. Сваливаю домой.

Седой поднялся, схватил свой пиджак и, пошатываясь, пошел к выходу.

– Завтра увидимся в редакции, коллега, – произнес он, захлопывая дверь.

Я плюхнулся на диван, закрыл глаза и попытался поразмышлять о том, что, собственно, можно еще расследовать. Но, похоже, я уже накачался пивом, прошедший день был насыщен событиями, и еще какими... Я, повернувшись на бок, заснул.

Глава 5

Все мое подсознательное восприятие газетной жизни выразилось в видении огромной комнаты со множеством столов, заставленных компьютерами и телефонами. По этой комнате взад-вперед, как заведенные, бегали люди. Они кричали, сталкивались друг с другом. Кто-то тряс бумагами перед лицом другого, кто-то орал в трубку телефона. Девушки переносили от стола к столу листки с информацией и свежие гранки. Люди постоянно натыкались на какого-то человека, который сидел на полу и работал на переносном компьютере. Двое мужчин разложили на полу только что сверстанные полосы и активно спорили друг с другом, где какая информация должна располагаться.

Я стоял посреди этой ужасающей, нервирующей и одновременно завораживающей круговерти. Во мне постоянно боролись два желания: немедленно покинуть эту вакханалию и, несмотря ни на что, остаться. Побеждало второе, так как интерес ко всему происходящему был гораздо сильнее.

Неожиданно среди тусующейся толпы я заметил сутулого человека в очках, съехавших на нос. В нем я узнал своего нового знакомого, некоего Евгения Чуева. Мое внимание к этой персоне привлекло то, что в руках он держал большой кусок мраморной плиты. Я взгляделся и увидел в верхней части куска плиты надпись, сделанную золотистыми буквами на темной поверхности:

«ЭПИТАФИЯ». ГАЗЕТА ДЛЯ ВЕЧНЫХ ОПТИМИСТОВ.

Кроме того, на доске значительную площадь занимал портрет Александра Бомберга с каким-то текстом, видимо, некрологом.

Чуев смотрелся белой вороной в толпе, так как его из-за подобного оригинального средства массовой информации в руках все старались обходить стороной. Однако он упорно пытался заговорить то с одним, то с другим. Его собеседники понимающе кивали головой, но тут же, ссылаясь на занятость, отходили. Наконец Чуев подошел к креслу, где вальяжно сидела, положив ногу на ногу, Лена Капитонова. Как только Чуев приблизился к ней, Лена выпрямила спину. Она внимательно посмотрела на мраморную плиту, на глазах у нее выступили слезы, которые она протерла платочком. После этого она этим же платочком вытерла плиту и, что-то сказав Чуеву и показав пальцем на наручные часы, вскочила и выбежала из комнаты.

Заметив меня, Чуев направился в мою сторону, скорбно мне улыбаясь. Не знаю почему, но от напряжения я вдруг занервничал, в горле у меня пересохло, и, проглотив ком, я приготовился к чему-то неприятному. Но, однако, Чуев прошел, улыбаясь, мимо меня.

Я обернулся и увидел, что он подошел к столу, где сидела Тамара Тарасова. Я узнал булькающий голос Чуева:

– Томочка, я тут подумал, посоветовался с людьми и решил, что его лучше оставить тебе...

И поставил мраморную плиту ей на стол.

То, что произошло потом, поразило меня. В отличие от всех предыдущих собеседников Чуева, начальник отдела информации Тамара Тарасова не стала от него отбрыкиваться, ссылаясь на нехватку времени и занятость. Она поблагодарила Чуева и с тоской во взоре стала молча смотреть на портрет Бомберга. Она даже не заметила, как Чуев, тихо пятясь, отошел от стола.

Просидев без движения еще минут пять, Тамара наконец закрыла глаза, тяжело вздохнув. Она потерла руками свои виски, после чего раскрыла дверки стоящего рядом со столом шкафа и с некоторым усилием, оторвав плиту от стола, убрала ее в шкаф. После этого она встала и ушла куда-то по своим делам, а я еще долго стоял и смотрел ей вслед. Я думал.

Из этого состояния меня вывел телефонный звонок. В отличие от всех звонков редакции, он был наиболее громким и настойчивым. Я протянул руку к телефону и, подняв трубку, сказал:

– Алле.

В ответ я услышал дынинский голос:

– Вовк! Ну... Ты проснулся, что ли?

Я раскрыл глаза и с удивлением понял, что я проснулся и держу в руках реальную телефонную трубку рядом со своей кроватью и говорю с капитаном милиции Дыниным в реальном мире.

– Кажется, да, – ответил я.

– Вовк, мы с утра сегодня взяли Барсукова. Ты должен прийти вместе с Седым в милицию. Дадите показания как потерпевшие.

– Хорошо, – сказал я. – А сколько времени?

– Восемь тридцать, – по-военному четко произнес Дынин.

Я положил трубку и с огромным усилием воли поднялся. Тело болело от нанесенных мне вчера побоев, во рту ощущалась невероятная сухость, а голова гудела, как колокол. Я отправился на кухню, достал из холодильника банку пива и серьезно облегчил себе жизнь.

Позавтракав на скорую руку, я направился в редакцию, где в таком же плачевном состоянии застал своего приятеля Леню Борисова по кличке Седой.

– Ну что, ковбой? – спросил Борисов, отрывая седую голову от рук. – Ты еще в седле?

– Куда деваться, – тяжело вздохнув, ответил я. – Жизнь заставляет... Тебе Дынин звонил?

– Звонил, – хмуро сказал Седой. – Опять в ментуру надо идти, показания давать. Он сообщил, что Барсукова уже взяли в оборот и всю трясут.

– Ну, тогда поехали, не будем откладывать это дело в долгий ящик.

Подъехав к зданию городской милиции, мы первым делом отыскали Дынина и спросили, что от нас требуется. Он объяснил, что нужно опознать второго нападавшего и подписать все необходимые протоколы, потом отвел нас к следователю Быкову, который занимался этим делом.

После того как с формальностями было покончено, я спросил Быкова, какие показания дал Барсуков.

– Пока все отрицает, – ответил следователь. – Сначала утверждал, что его сотрудники лгут и хотят его подставить. Потом утверждал, что его хочет подставить милиция. Потом дошел до того, что обвинял вас в сговоре с его мясниками. В общем, в голове полная каша, человек явно растерян. Сейчас консультируется со своим адвокатом.

– О деле Бомберга вы пока не говорили? – спросил я.

– Отрицает всякую связь с Бомбергом, говорит, что вы беседовали с ним о состоянии Карповского рынка... Словом, пока не раскололся, но мы работаем, – подытожил Быков.

Мы кивнули следователю и попрощались с ним.

Надо было возвращаться в редакцию. Там мы с Седым быстро узнали, что весть о нападении на нас распространилась по всей редакции и скорее всего по всему Дому. Это во-первых. Во-вторых, нас хотело видеть руководство газеты – и главный редактор Гармошкин, и его заместитель Пыжиков.

Мы пошли сначала в кабинет Гармошкина. Застали его нервно расхаживающим по комнате. Он тряс головой и, видимо, разговаривал сам с собой. Завидев нас, он вытаращился сквозь оправу золотистых очков и спросил:

– Черт возьми, что еще случилось? Почему я ни о чем не знаю, когда должен знать в первую очередь?

Скорее всего это надо было считать не вопросом, а упреком в мой огород.

– Кто, в конце концов, платит вам деньги? – подтвердил мою догадку Гармошкин.

– Во-первых, пока мне еще ничего не заплатили, – резонно заметил я, – а во-вторых, у меня не было возможности сообщить вам какую-либо конкретную информацию. Да и сейчас рассказывать особо не о чем. Могу лишь изложить те факты, которые, думаю, вам уже известны.

– Так, садитесь, – ткнул пальцем в стол Гармошкин, – и быстро все мне рассказывайте.

Мы сели за стол, и я неторопливо поведал главному редактору о том, что с нами случилось. Во время всего моего монолога Гармошкин нервно елозил на стуле, беспрестанно теревил свои и без того торчащие волосы. Потом он несколько секунд поразмышлял и спросил:

– Как вы думаете, это дело имеет перспективы?

– Какое именно?

– Я имею в виду прежде всего дело Барсукова. У вас есть основания предполагать, что он является заказчиком убийства?

– Хотя основания есть, – сказал я, – эта линия не кажется мне перспективной.

И я изложил Гармошкину всю аргументацию, которую вчера уже излагал Седому.

– Никаких фактов, доказывающих причастность Барсукова к убийству Бомберга, не обнаружено. Эпизод с нападением на нас можно рассматривать как банальное запугивание не в меру зарвавшихся журналистов, – резюмировал я. – И, предвзяв ваш вопрос, скажу, что расследование надо продолжать, но не по этой версии. Барсуковым занимается милиция.

– Угу, угу, угу, – рассеянно глядя на стол, закивал Гармошкин. – Что ж, в таком случае продолжайте свою работу. Что же касается аванса, – Гармошкин залез в стол и достал оттуда конверт, – то вот пятьсот долларов. Кроме того, завтра вы оба, вместе с Борисовым, получите премиальные за проведенную работу. Можете назвать это материальной помощью. А теперь отправляйтесь к Пыжикову и объясните ему ситуацию. У него есть желание выжать из всего случившегося большой материал.

– А стоит ли торопиться с большим материалом? – спросил я.

– Не знаю, – раздраженно ответил Гармошкин. – Вы ему все объясните, он напишет, потом посмотрим... С сегодняшнего дня он заменяет Бомберга по всем тем вопросам, которые тот раньше курировал.

Мы вышли из кабинета главного редактора и отправились к его заместителю Пыжикову, который занимал небольшую комнату недалеко от туалета. Хозяин кабинета встретил нас сидя за столом, на котором царил образцово-показательный хаос. В нем мог разобраться только человек, который являлся автором этого хаоса. Что он с успехом и демонстрировал, доставая различные нужные бумаги из нагромождения на столе. В момент нашего прихода Пыжиков расчистил небольшое пространство на столе и что-то писал на листке бумаги. Хозяином кабинета был невысокий худой человек. Черные волосы, черная борода, темные дымчатые очки гармонировали с его простоватым синим свитером, надетым на неброскую рубашку темных тонов. Ворот рубашки был широко расстегнут, – наверное, Пыжиков не любил каких-либо вещей, стесняющих движения.

Мы с Седым без разрешения присели рядом со столом Пыжикова. Седой спросил:

– Ты хотел нас видеть, Сергей Иванович?

Пыжиков бросил на нас задумчивый взгляд из-под очков и произнес каким-то мягким голосом:

– Э-э... Как бы да... Тут как бы поступила информация о том, что вы, э-э... попали в некую критическую ситуацию и в связи с тем событийным рядом, который имеет место быть в последнее время, э-э... есть как бы необходимость придать всему этому идеологическую направленность и персонифицировать в ряд статей на тему о-о-о... Ну, в общем, я бы сформулировал ее как журналисты – расследование – свобода слова – тайны сильных мира сего...

Пыжиков сделал небольшую паузу и с раскрытым ртом, в котором виднелись золотые зубы, посмотрел в окно, чтобы сосредоточиться.

– Видите ли, я хотел бы просто пояснить вам ситуацию, чтобы вы были более адаптированы в ней, – продолжил он. – Раньше всеми подобными материалами занимался Бомберг, но в связи с такими неожиданными трагическими обстоятельствами эти вопросы перешли в мое ведение. И я, несмотря на то, что по-своему уважал Сашу, должен сказать, что мне кардинально не нравилось, что он делал. Все это было, э-э... на мой взгляд, несколько непрофессионально, ужасающе субъективно и односторонне, семантически и стилистически не выверено и, можно сказать, граничило с лубком... Я не говорю о чем-то большем, поскольку для этого необходима уверенность, базирующаяся на-а... жесткой фактологической основе, но всего перечисленного, на мой взгляд, как бы достаточно, чтобы, э-э-э... радикально перестроить работу в этом направлении...

– Сергей Иванович, – перебил его Седой, – ты можешь сказать, чего ты конкретно от нас хочешь?

– Э-э... От вас мне нужна хронология событий, происшедших с вами, мы опубликуем ее в ближайшем же номере, но-о... мы должны изменить стилистику подачи материала в свете той новой концепции, которую я изложил и которую намерен жестко продвигать в дальнейшем.

Я удивился, что вдруг мое терпение лопнуло. Не знаю почему, но этот человек производил на меня гнетущее впечатление. У него было столько противоречивых качеств: подчеркнутая интеллигентность и одновременно дремучесть и чрезмерное самомнение. Кроме всего прочего, сама манера речи Пыжикова действовала на меня усыпляюще. Может быть, отчасти из-за этого я и встрял в разговор.

– Я извиняюсь, конечно, я человек новый в редакции, – оговорился я, – но в силу того, что я имею некое отношение к упоминавшемуся эпизоду, позволю себе высказать свое мнение.

Не знаю почему, но я заговорил в сходной интеллигентной манере Пыжикова.

– Дело в том, что следствие только началось, – продолжил я. – Этот эпизод, как таковой, сложно однозначно расценить в том или ином направлении. Мне кажется, на данном этапе логичнее было бы ограничиться лишь упоминанием самого факта нападения без указания каких-либо причин происшедшего. И уж совершенно точно, что о серии статей говорить еще пока рано.

Пыжиков задумался, глядя на расчищенное на своем столе место для работы. Потом, не подымая глаз, обратился ко мне с вопросом:

– То есть вы э-э... однозначно уверены, что убийца еще не найден и задержание э-э... – тут он запустил руку в кипу бумаг и вынул из нее нужный листок. – Некого Барсукова не имеет к убийству Бомберга никакого отношения?

Мне захотелось высказаться категорично и я сделал это:

– Если это и имеет отношение к убийству, то весьма косвенное. Подлинных преступники еще не найдены.

– А чем подкреплена ваша уверенность на этот счет? – после некоторой паузы спросил Пыжиков.

Я и тут проявил категоричность и сказал, что предпочел бы не распространяться «на этот счет», поскольку это не более чем мои соображения.

Пыжиков снова сделал паузу и потом со вздохом произнес:

– Что ж, тогда наш разговор можно закончить. Я подумаю над тем, что вы сказали, и приму соответствующее решение, о котором я вас поставлю в известность.

Последнюю начальственную фразу он произнес особенно мягко и даже нежно.

Мы с Седым молча кивнули головой и покинули кабинет заместителя главного редактора, расширившего за последние дни свои полномочия.

Мы вернулись к себе в комнату, и Седой, расположившись в кресле, констатировал:

– Зам умер, да здравствует зам! Ты знаешь, Владимир, я прихожу к выводу, что не знаю людей, которые бы пострадали из-за гибели Бомберга. И вижу достаточно людей, которые после его кончины скорее вздохнули с облегчением.

– Ну, а как же женщины? В конце концов семья?..

– Я не имел в виду его близких, – заметил Седой.

– И все-таки кто-то должен был от этого пострадать, – заявил я. – Понимаешь, я не могу себе представить, что Бомберг жил жизнью, полной опасности и врагов, не подстраховываясь.

– Какую страховку ты имеешь в виду? – спросил меня, недоумевая, Седой.

– Я думаю, что единственной страховкой, которая гарантировала бы ему относительную безопасность, является наличие у него компрометирующих материалов на своих врагов. Именно всплытия подобных материалов они и должны были опасаться после смерти Бомберга, и это тем самым останавливало бы их от решительных действий.

– Насколько мне известно, пока ничего не вскрылось, – сказал Седой.

– Это означает лишь две вещи: или канал раскрытия материалов слишком длинный и сложный, или же архивы лежат где-нибудь, ожидая своего нового владельца.

– Интересно, где же они могут лежать...

– Если бы я это знал, мы сегодня же взяли бы их.

– А кто это мог бы знать в принципе? – спросил меня Седой.

– Не знаю, но думаю, что сами материалы могли бы дать нам серьезные основания для подозрений и поисков подлинного убийцы...

Тут Седой вспомнил, что ему нужно срочно идти по какому-то журналистскому заданию, быстренько собрался, накинул пиджак и покинул редакцию. Я остался в комнате один в глубокой задумчивости. Через некоторое время в кабинет вошла Лена Капитонова.

Завидев меня, она тут же широко заулыбалась.

– Вот он, герой журналистского расследования, борец с рыночной мафией! Зарубцевались ли уже свежие шрамы у воина?

– Нет еще, – ответил я, рефлексивно дотронувшись до пластыря на лбу.

– Ничего, до свадьбы заживет, – успокоила меня Капитонова, плюхнулась в кресло и закурила.

Я еще некоторое время смотрел на нее, потом вдруг произнес:

– Кстати, о свадьбе... Лена, ты не хочешь со мной выпить?

– Выпить? – переспросила она, в ужасе тараща глаза. – Такое предложение! Девушке?! Боже мой, какая дерзость!.. Конечно, хочу...

– В таком случае я угощаю. Пошли!

– А что у нас за повод? – спросила она, когда мы вышли из кабинета.

– Повод у меня почти всегда один – сбросить возникшее напряжение. Все остальное лишь формальности, которые придумывают люди.

– Сбросить напряжение? Ах ты, толстый шалунишка! – игриво подергала бровью эта распутная девчонка, ткнув меня в бок кулаком.

Выйдя на улицу, мы отыскивали ближайший бар, в котором я, разменяв сто долларов из своего аванса, заказал martini. Когда официант принес напиток, я произнес заковыристый тост:

– Выпьем за то, чтобы возникающее напряжение не приводило к взрывам.

Капитонова лукаво улыбнулась мне и осушила свой бокал. В дальнейшем в течение всей нашей беседы Елена опрокинула еще несколько бокалов. Уже после третьего я понял, что этой женщине пить нельзя. Развезло ее достаточно быстро. Она слегка оплыла, расслабленно откинулась на стул. Улыбка на ее лице из благожелательной превратилась в похотливую. Полутьма и тихая музыка в баре этому весьма способствовали. Разговор сам собой зашел на темы, близ-

кие каждому человеку, – о том, какие сволочи были прежние мужчины и женщины и какими лапочками наверняка смогут быть будущие.

Мы опрокинули еще по паре бокалов, когда, наконец, я решил, что довел Капитонову до нужной кондиции. И перешел к делу.

Я сказал:

– Давай честно!..

– Конечно, – тут же мигнула мне глазом Лена. – Лгать такому герою – Боже упаси!

– Ты по Сашке Бомбергу тоскуешь? Вы ведь, говорят, были не просто коллеги, а еще и хорошие друзья.

Капитонова ухмыльнулась, стряхивая пепел с сигареты в пепельницу на столе, и сказала:

– Санечка, в общем-то, был приличный засранец. Как и все мужики, любил в отношениях с женщинами побольше взять и поменьше дать. Хотя, – Елена откинула волосы рукой назад и выпустила струю дыма, – надо отдать ему должное, что он и не старался ничего обещать, ограничиваясь лишь намеками. Ну а поскольку как мужик он был хорош – ничего не могу сказать, – Елена снова улыбнулась и загасила сигарету, – бабам этого хватало... Но, скажу тебе честно: всерьез его никто никогда не любил, отвечая таким образом ему на его же отношение... Ну, может быть, кроме одной. Эта старая дура, похоже, была готова бросить ради него все. Ничего не поделаешь, когда женщине под сорок, ей снова хочется романтики. А Томке уже тридцать семь...

Лена могла бы и не называть имени, я и сам понял, о ком она говорит.

– Но он, даже встречаясь с ней, к нам в общагу регулярно захаживал, – ехидно засмеялась Капитонова и, сделав неловкое движение, уронила фужер на пол.

Я подумал, что нам пора. Отдал подошедшему официанту деньги и, подхватив свою захмелевшую спутницу под руки, вывел ее на свет Божий.

– И куда мы сейчас скачем, Большой Джо? – спросила Капитонова.

– Я думаю, тебе пора домой. Сейчас я поймаю такси и отправлю тебя.

– Как?! – запротестовала Капитонова. – Разве мой сладкий пончик не хочет проводить мамочку до дома и уложить ее в кроватку?

– Я плохо пою колыбельные песни, – ответил я.

– Значит, мне не удастся уснуть, – констатировала Елена, повиснув у меня на плече.

Тут на мое счастье остановилось такси, и я, впихнув упирающуюся Капитонову в машину, заплатил деньги водителю и сказал, чтобы тот немедленно уезжал по адресу, который укажет эта женщина. Как только такси отъехало, я направился обратно в редакцию.

В нашем кабинете я застал не только Борисова, но и Дынина.

– Ты где... ходишь-то? Мы тебя уже час ждем! – воскликнул Дынин.

– А я что, в казарме, что ли? Я работал... – огрызнулся я.

– Помаду с лица вытри, работник! – прокомментировал Седой. – Куда ты дел Капитонову?

– Домой отправил.

– А сам что с ней не отправился? – удивленно поднял брови Седой.

– Потому что мне надо работать! Просто я думаю, что знаю, с кем надо побеседовать из близких к Бомбергу людей.

– Кто же это? – спросил Седой.

– Я уверен, что это твоя коллега Тамара Тарасова.

– Нет, – начал было Седой с неуверенностью в голосе, – это не факт... В принципе, тут говорили, что они... Но дело в том, что Сашка вообще...

– Я знаю, в чем дело, – прервал я его. – Я знаю, что она у него была здесь не одна.

И я пересказал Седому наш разговор с Капитоновой в баре.

– Ты уверен, что разговор с Тарасовой может дать что-нибудь толковое?

– По крайней мере, она может дать хотя бы намек на то, где хранятся архивы Бомберга, – сказал я.

– А как же ты ее собираешься расколоть? – спросил Седой. – Ты хочешь, чтобы она призналась тебе в любовной связи ни с того ни с сего?

– Я сам не знаю как, – признался я. – Но нужно ее убедить.

– Он прав, – категорично заявил Дынин. – Нужно щемить эту мокрощелку. Она нам все расскажет...

– Во-первых, все нам не надо, а во-вторых, ей тридцать семь лет. Она солидная женщина, а не мокрощелка, – возразил Седой.

– Какая разница! Мы эту старую корову так в оборот возьмем!.. – не сдавался Дынин.

– Ну, в общем, это надо делать как можно скорее, – сказал я.

Седой подумал, посмотрел на часы и сказал:

– Время уже позднее, но сейчас узнаем...

Он набрал номер внутреннего телефона и немного погодя сказал в трубку:

– Томка? Это Леонид. Ты еще долго на работе будешь?.. Погоди пока, не уходи, мне с тобой переговорить надо...

Борисов положил трубку, мотнул седой головой и сказал:

– Ну пошли, гестаповцы!

Мы вереницей прошли по коридору и один за другим вошли в комнату, где одиноко сидела Тамара Тарасова. Эта достойная дама наводила марафет на своем лице, держа в одной руке помаду, в другой – зеркальце. Наконец, когда шедший последним Дынин закрыл дверь, она отложила свои аксессуары, скрестила руки на столе и произнесла:

– Боже мой, какие мальчишки! У вас такой вид, как будто вы меня насиловать пришли...

– Ты почти угадала, – сказал Седой и, подойдя к двери, защелкнул замок.

– Это что еще за фокусы? – всерьез насторожилась начальница службы информации.

– Тамара, у этих двух господ, – Седой указал на меня и Дынина, – к тебе имеется ряд вопросов. Они сами тебе все объяснят.

– Я вас внимательно слушаю, – холодно произнесла Тамара, окидывая нас с Дыниным еще более холодным взглядом.

Я только раскрыл рот, думая, с чего бы лучше начать, как меня опередил Дынин. Он подошел к столу и оперся о него сжатыми в кулаки руками.

– В общем, так, – костяшки его пальцев побелели. – В общем, мне надо, чтобы вы все подробно рассказали о вашей связи с убитым Бомбергом. И чем откровеннее вы будете, тем лучше вам будет в дальнейшем.

Глаза Тамары округлились от удивления, а рот раскрылся. Она откинулась на стул, посмотрела на Седого и спросила:

– Он что, дурак? Может быть, вам еще рассказать о своем первом сексуальном опыте? Милый, не красней так... А то у тебя на лысине скоро можно будет яичницу жарить. Если у тебя проблемы с сексом, то купи литературу, а лучше всего сними девочку, она тебе все расскажет.

– Гр-ражданка Тар-расова, что вы себе позволяете?! – грохнул по столу кулаком Дынин. – С капитаном милиции!

– Нет, ну я не могу! – всплеснула руками Тарасова. – Этот идиот с таким апломбом произносит свое звание, как будто он генерал...

– Тома, он действительно мент и занимается этим делом, – попытался снизить накал страстей Седой.

Однако это только подхлестнуло Тарасову.

– А ты-то что поддакиваешь ему?! Сволочь ты, Ленька, не ожидала я от тебя такого!

– А я что?.. – начал было Седой.

– Как что?! Припер ко мне каких-то идиотов, которые задают вопросы, как будто они из сумасшедшего дома сбежали.

– Сейчас не скажешь, так у меня в отделе как миленькая соловьем запоешь... – снова грохнул кулаком по столу Дынин.

– Нет, ну вы посмотрите на него!! Этот лысый сейчас мне здесь всю мебель на куски покрошит...

Я понял, что мне пора вмешаться.

– Тамара, все дело в том, что я и капитан милиции Дынин действительно занимаемся расследованием убийства Бомберга, – спокойно сказал я. – Разница между нами лишь в том, что он занимается этим официально, я же – как частное лицо. Именно это и является целью моего пребывания в редакции. Все остальное – не более чем прикрытие. Поскольку ваша связь с Бомбергом является очевиднейшим фактом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.